

ГЛАВА VI.

Болѣзни и смерть.

Сколько мнѣ ни приходилось читать о киргизахъ, вездѣ выставляется на видъ ихъ превосходное здоровье. Относительно Мангышлака я, на основаніи какъ собственныхъ наблюденій, такъ и разспросовъ, могу только присоединиться къ этому мнѣнію. Смертность среди дѣтей при высокой цифрѣ рождаемости очень невелика, несмотря на плохой физическій уходъ за ребенкомъ, безпокойство, сопряженное съ кочевой жизнью, на массу, въ гигиеническомъ отношеніи не безупречной, пыли, поднимаемой въ степи сильными вѣтрами, и на рѣзкія колебанія температуры. Отличное, безъ исключенія, материнское молоко, продолжительность кормленія ребенка грудью и унаслѣдованная громадная выносливость расы — одинаково благопріятно вліяютъ въ этомъ смыслѣ.

Изъ наиболѣе частыхъ болѣзней отмѣчаютъ среди взрослыхъ накожныя сыпи, глазныя болѣзни, оспу, сифились, простудныя катарры. Однако, въ рѣшеніи вопроса о распространенности болѣзней не мѣшаетъ нѣкоторая осмотрительность. Сыпи, напр., не больше распространены, по-моему, чѣмъ у насъ; даже, напротивъ того, мнѣ бросался въ

глаза чистый цвѣтъ лица у мѣстнаго населенія; глазныя болѣзни мнѣ попадались чрезвычайно рѣдко, онѣ, можно сказать, отсутствуют, если сравнить степь съ туркестанскими городами, а тѣмъ болѣе съ городами на сѣверѣ Африки, какъ Тунисъ, Каиръ и т. д., — городами, въ которыхъ пыль, мухи и нечистота вызываютъ такую массу самыхъ ужасныхъ заболѣваній глазъ, что улицы наполнены отвратительными и печальными картинами. Что касается оспы, то большинство наблюдателей считаетъ ее только спорадической болѣзнию степи, и мнѣ подтвердили, что она, дѣйствительно, не представляетъ тамъ частаго явленія; мнѣ самому нигдѣ не приходилось видѣть столь характерныхъ и бросающихся въ глаза слѣдовъ оспы, какіе еще на каждомъ шагу попадаютъ въ Россіи и Австріи. Относительно распространенности сифилиса еще преждевременно высказываться, пока нѣтъ достаточнаго числа научно обставленныхъ наблюденій опытныхъ врачей, имѣющихъ за собою болѣе или менѣе продолжительную практику въ степи; показанія туземцевъ нельзя довѣрять, такъ какъ они — чего нельзя имъ поставить въ вину — смѣшиваютъ симптомы и взваливаютъ на эту болѣе или менѣе понятную имъ по своимъ причинамъ половую болѣзнь многое, что не имѣетъ къ ней никакого отношенія. Трудно, конечно, пока установить ошибки, но я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ, напр., туберкулезъ костей былъ принятъ за луэсъ.

Такимъ образомъ, изъ вышеприведенныхъ болѣзней многія нельзя считать очень распространенными, и мнѣ кажется, что можно смѣло утверждать, что населеніе степи отличается прекраснымъ здоровьемъ. Я посѣтилъ сотни кибитокъ, повсюду было извѣстно, что я врачъ, мнѣ приводили больныхъ, но самое большое, что я видѣлъ, были старческая глухота, нѣсколько случаевъ простуднаго катарра и запоры,

и только въ одномъ аулѣ — сразу три случая туберкулеза костей. Послѣднее представляло, однако, единичное явленіе. Но какъ бы то ни было, на туберкулезъ, имѣющій мѣсто въ степи, несмотря на кумысъ и постоянныя „воздушныя ванны“, слѣдовало бы обратить вниманіе, хотя я не думаю, чтобы статистическія данныя оказались значительными.

Случаи душевныхъ болѣзней, какъ говорятъ, не рѣдки, но ихъ не окружаютъ никакимъ мистическимъ ореоломъ, какъ это принято на Востокѣ, точно также не оказываютъ душевно больнымъ особаго почитанія и не дѣлаютъ изъ нихъ святыхъ.

Въ киргизской терапіи, кромѣ различныхъ манипуляцій, основанныхъ на суевѣріи, о которыхъ я упоминаю въ другой главѣ, на первомъ мѣстѣ стоятъ потѣніе и леченіе паромъ; они вызываются разными настойками и отварами степныхъ травъ. Относительно леченія сифилиса мнѣ сообщили одинъ методъ, примѣняемый отчасти подъ европейскимъ вліяніемъ: покупается чистая ртуть, растирается съ бараньимъ жиромъ и намазывается на тряпку; затѣмъ больной садится въ яму, ставитъ около себя зажженную свѣчу и покрывается; голова при этомъ оставляется свободной, иначе пары ртути могли бы оказаться опасными для жизни.

При лихорадкѣ, головной боли и т. п. прибѣгаютъ къ кровопусканію; надрѣзъ дѣлаютъ при этомъ подъ языкомъ, на головѣ или на спинѣ; банки также въ употребленіи; прежде для этого брался рогъ, теперь же на больное мѣсто ставятъ стаканъ, сдѣлавъ предварительно небольшой разрѣзъ на кожѣ.

Свое крѣпкое выносливое здоровье киргизъ несомнѣнно черпаетъ изъ главнаго своего источника — расоваго организма, создавашагося путемъ естественнаго подбора и закаленного въ суровыхъ условіяхъ кочевническаго хозяйства въ степи, подверженной рѣзкимъ климатическимъ контрастамъ.

Печение хлѣба.

Куполообразныя и остроконечныя крыши кибитокъ.

Этому здоровью способствуетъ и простая, не раздражающая пища киргизовъ, не прибѣгающихъ ни къ какимъ пряностямъ, не знавшихъ раньше даже ни овощей, ни хлѣба. Я часто спрашивалъ себя, на вѣрномъ ли мы пути съ нашимъ новымъ теченіемъ въ медицинѣ, осуждающимъ мясо и жиры въ пользу овощей и рисуящимъ, изъ боязни чрезмѣрнаго питанія, въ самыхъ ужасныхъ краскахъ вредныя послѣдствія мясной пищи. Народъ, который раньше жилъ исключительно мясомъ, жиромъ и кислымъ молокомъ, а сѣяніе хлѣба ввелъ у себя лишь позднѣе — и во многихъ мѣстахъ еще и теперь обходится безъ него — перенялъ отъ сосѣдей одинъ только чай, — такой народъ опрокидываетъ все ученіе о вредѣ мясной пищи, если онъ въ общемъ типѣ и въ отдѣльныхъ индивидуумахъ проявляетъ столько силы и выносливости, какъ киргизскій. По крайней мѣрѣ, примѣръ этого народа долженъ предостеречь отъ излишнихъ крайностей всѣхъ тѣхъ, кто, ссылаясь на японцевъ, индусовъ и т. п., проповѣдуетъ вегетаріанскій образъ жизни. Относительно пользы или вреда той или другой пищи мы, несомнѣнно, будемъ ближе къ истинѣ, если будемъ исходить изъ принципа „приспособленія“, а не „абсолютнаго закона“. Конечно, трудно представить себѣ, какъ можно недѣлями ѣсть одно мясо совершенно безъ хлѣба; тѣмъ не менѣе обходятся безъ него отлично. Еще одно обстоятельство бросилось мнѣ въ глаза: какъ у киргизовъ, такъ и у привычныхъ къ кускусу и пряностямъ бедуиновъ, я нашелъ болѣе чистый „національный запахъ“, чѣмъ въ Европѣ. То же самое установлено и относительно японцевъ, и это объясняютъ отсутствіемъ мясной пищи; но послѣ моихъ наблюденій надъ киргизами, я другого мнѣнія и склоненъ думать, что, если мы, европейцы, въ этомъ отношеніи не въ выигрышѣ, то причину этого нужно искать въ способѣ, которымъ печется нашъ хлѣбъ.

При высококомъ общемъ уровнѣ здоровья на Мангышлакѣ не удивляешься больше, когда встрѣчаешь веселыхъ стариковъ восьмидесяти и больше лѣтъ, которые, оставивъ уже далеко позади себя обязанность служить благороднымъ цѣлямъ брака, наслаждаются закатомъ своихъ дней за ѣдой и питьемъ. Къ нимъ относятся до конца съ уваженіемъ; я видѣлъ, напр., какъ сынъ раскусывалъ своими зубами большіе куски сахару и клалъ крошечные кусочки передъ своимъ дряхлымъ отцомъ, чтобы тотъ могъ пить свой чай въ прикуску, по русскому обычаю.

Киргизы выглядятъ часто старше своихъ лѣтъ, но это не должно вводить въ заблужденіе, когда судишь объ ихъ здоровьѣ; — киргизы рано созрѣваютъ, вѣтеръ и непогода производятъ рано морщины на ихъ лицѣ, особенно на лбу, гдѣ уже на третьемъ десяткѣ отъ роду я постоянно видѣлъ глубокія складки; волосы у нихъ рано рѣдѣютъ и сѣдѣютъ. При опредѣленіи ихъ возраста я обыкновенно давалъ имъ больше, точно также какъ киргизы ошибались въ обратную сторону, уменьшая мнѣ года; они каждый разъ удивлялись, что я въ сорокъ лѣтъ выгляжу моложе, чѣмъ они въ тридцать.

Когда кто либо умираетъ, его тѣло обмываютъ, причемъ мужчину моютъ мужчины, женщину — женщины, и завертываютъ въ три или (у женщинъ) пять простынь, которыя завязываютъ у головы, рукъ и ногъ.

Въ первый вечеръ послѣ смерти въ кибитку, которую постигло несчастье, собираются родственники и друзья, совершаютъ общія молитвы и получаютъ угощеніе. По уходѣ гостей, родственники кладутъ въ сумку хлѣбъ и мясо, обводятъ ею надъ головою покойника и затѣмъ съѣдаютъ ея содержимое. Этотъ обычай является, несомнѣнно, пережиткомъ временъ шаманства и символизируетъ тѣ жертвы, которыя приносились душѣ умершаго или для умиротворенія

предковъ и духовъ. Похороны совершаются въ день смерти вечеромъ или, если покойникъ умеръ вечеромъ, на слѣдующій день до полудня. Крайній срокъ — это полтора дня. Только если смерть застигла кого либо въ пути зимою, и онъ выразилъ желаніе быть похороненнымъ на родинѣ, тѣло кладутъ на верблюда и совершаютъ часто въ теченіе многихъ дней долгій обратный путь домой. Отъ кибитки къ могилѣ покойника несутъ мужчины, независимо отъ того, женское ли это тѣло или мужское; женщины не сопровождаютъ умершаго. Если преданіе тѣла землѣ совершается гдѣ нибудь далеко, какъ напр. въ вышеописанномъ случаѣ, или на какомъ либо опредѣленномъ кладбищѣ, вблизи могилы извѣстнаго святого и т. п., то жена на верблюдѣ также сопровождаетъ покойника.

Могила представляетъ четырехугольную яму около полутора метровъ глубиною; верхніе края этой ямы выступаютъ внутрь и суживаютъ ее такимъ образомъ. Тѣло освобождаютъ изъ простынь только настолько, чтобы лицо осталось открытымъ, и затѣмъ опускаютъ въ могилу, ничего туда не вкладывая; на выступѣ наваливаютъ камни, закрывая такимъ образомъ могилу, причемъ тѣло покойника лежитъ въ могилѣ совершенно свободно. Чтобы на него не попала земля, камни покрываютъ кошмой и затѣмъ уже набрасываютъ землю, поверхъ которой, для защиты могилы отъ звѣрей, снова кладутъ камни.

На третій, седьмой, сороковой и сотый день послѣ смерти въ память умершаго снова собираются и угощаются. Особенно торжественныя поминки совершаются въ годовщину смерти. Часто собирается при этомъ до тысячи и больше человѣкъ; всѣ надѣваютъ свои праздничныя платья, старинныя фамильныя драгоценности и, какъ на свадьбу, являются на своихъ лучшихъ лошадяхъ. За много недѣль до праздника рассылаются приглашенія, причемъ для дня торжества

выбирается ближайшее къ годовщинѣ полнолуніе, дабы можно было всѣ отложенныя изъ за торжества работы по хозяйству сдѣлать въ теченіе ночи. Скачки и игры и здѣсь, какъ и во время свадебнаго пиршества, составляютъ вѣнецъ торжества, о самомъ же покойникѣ тутъ нѣтъ и рѣчи, и никакого поминальнаго акта на кладбищѣ не совершается. На кладбище отправляются только, когда ставятъ надъ могилой такъ называемый памятникъ. Собственно, это названіе заслуживаютъ только сооруженія на подобіе мавзолеевъ, какія, само собою, могутъ позволить себѣ лишь богатые и которыя, поэтому, встрѣчаются надъ небольшою частью могилъ. Обыкновенно памятники надъ могилами, отчасти разбросанными, но большею частью соединенными въ кладбище, имѣютъ самую различную форму, смотря по матеріалу, который имѣется подъ рукою, и общественному положенію умершаго; но, мнѣ кажется, въ нихъ всегда можно найти основныя линіи мавзолеевъ.

Я уже сказалъ, что для защиты отъ животныхъ на засыпанная землею могилы накладываются еще камни; иногда это мелкая галька, носящая на могилѣ какъ бы случайный характеръ, иногда же большія плиты, наложенныя другъ на друга; у туркменовъ встрѣчаются обтесанныя на подобіе саркофаговъ четырехугольныя плиты съ лежащимъ на нихъ камнемъ, по формѣ напоминающемъ капитель, съ высѣченною на немъ надписью — стилизація, быть можетъ, обычныхъ на ближнемъ Востокѣ тюрбанообразныхъ верхушекъ надмогильныхъ камней (таб. 26). Здѣсь, какъ мы видимъ, памятники играютъ уже роль отличительнаго знака, въ первоначальной же стадіи ихъ назначеніе было служить для защиты могилы; они представляли просто положенный на могилу валунъ, и лишь впоследствии память умершаго находить себѣ болѣе достойное выраженіе въ обтесанныхъ плитахъ, надписяхъ, въ искусно

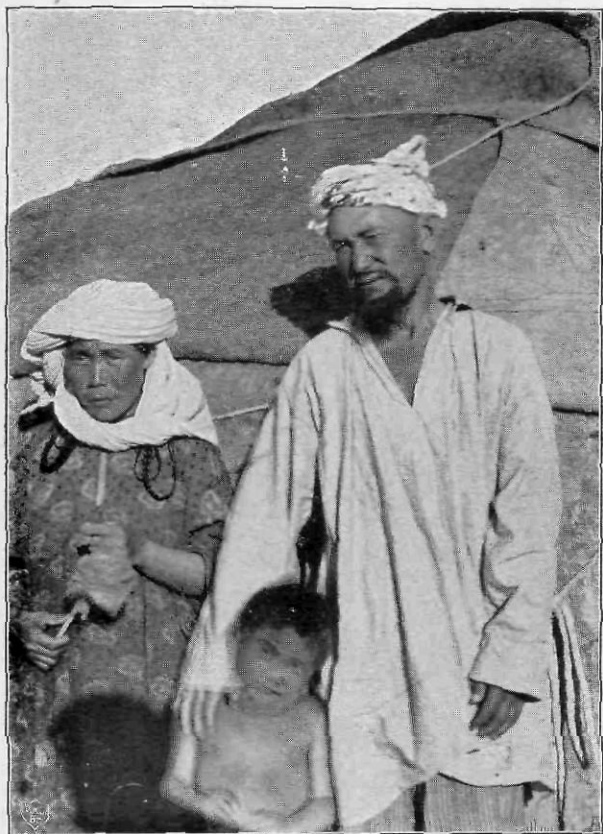
орнаментированныхъ камняхъ. Сюда-же нужно отнести и деревянные шесты въ видѣ мачтъ, склоняющіеся надъ изголовьемъ могилъ святыхъ; ихъ можно видѣть и на Мангышлакѣ, но здѣсь я встрѣчалъ только одиночные шесты, не украшенные лошадиными хвостами въ противоположность туркестанскимъ могиламъ, гдѣ такіе шесты воздвигаются по три вмѣстѣ, украшаются волосами и барабанами и представляютъ живописную картину.

Первоначальное назначеніе надмогильнаго камня было защищать трупъ отъ пасущихся животныхъ, которыя своими копытами могли-бы разрыть и осквернить могилу. Съ этою цѣлью на могилу кладутъ плашмя на землю одинъ или нѣсколько камней, иногда складываютъ изъ камней четырехугольныя кучи или устраиваютъ изъ нихъ низкій валъ вокругъ могилы въ видѣ четырехугольника или круга (таб. 27). Послѣдній способъ допускаетъ варіаціи, сооруженія изъ камней совершенствуются, камни выбираются по возможности большіе и ставятся ребромъ, такъ что получаютъ настоящіе надмогильные ящики (таб. 27). Изъ нихъ уже, при соприкосновеніи съ городскою культурою, развивается постройка настоящихъ стѣнъ, представляющихъ зачатокъ мавзолея. Въ началѣ эти сооруженія представляютъ не что иное, какъ четырехугольный, открытый наверху, ящикъ или, вѣрнѣе, высокую каменную ограду, подобно сооруженіямъ изъ большихъ камней, о которыхъ мы уже говорили, съ тою только разницею, что такія ограды богаче, больше и заключаютъ въ себѣ и окружающее могилу мѣсто; образуется какъ бы дворъ, въ центрѣ котораго могила обозначается однимъ, лежащимъ на землѣ, и другимъ, поставленнымъ вертикально у изголовья, камнемъ. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи такой дворъ замыкается крышей — становится, такимъ образомъ, уже закрытымъ помещеніемъ, мавзолеемъ; иногда крыша дополняется, какъ у

магометанскихъ мечетей, куполомъ, который исламъ заимствовалъ у византійскаго искусства (таб. 28). На стѣнахъ появляется окраска или раскрашенный орнаментъ, которые формою своихъ узоровъ служатъ интересными документами киргизской исторіи. Тутъ, на ряду со старинными тюркскими мотивами пастушескихъ номадовъ, мы видимъ иранскія стилизаціи, новоперсидскіе завитки и реальныя изображенія предметовъ европейскаго импорта. какъ, напр., самовара, который при жизни покойнаго былъ ему, навѣрное, неизмѣннымъ товарищемъ.

Наверху, на карнизѣ памятника бѣлѣтъ иногда черепъ лошади или верблюда (таб. 28). Онъ, какъ говорятъ, не имѣетъ здѣсь никакого религіозно-символическаго значенія ритуальной жертвы, а является лишь данью памяти покойнаго; черепъ любимой имъ при жизни лошади или другого животнаго помѣщаютъ впослѣдствіи вблизи покойнаго и ставятъ его повыше, чтобы собаки не могли добраться къ нему. Бараньи черепа, характерные рога которыхъ украшаютъ въ Туркестанѣ могилы святыхъ, мнѣ на Мангышлакѣ не приходилось видѣть.

Какъ при поминальныхъ празднествахъ, устраиваемыхъ въ память покойнаго, о немъ самомъ и о его могилѣ нѣтъ и рѣчи, такъ и дальше о мѣстѣ погребенія никто больше уже не заботится. Разрушенныя и заброшенныя кладбища съ ихъ беспорядочными развалинами доставляютъ подчасъ самыя жестокія разочарованія новичку въ степи: въ ясномъ, чистомъ воздухѣ издали они кажутся окруженными стѣнами городами со многими башнями, со всѣми прелестями и радостями благоустроенной и сытой жизни. Все это расплывается вблизи, и передъ путникомъ безотрадно-сѣрая, печальная картина разрушенія, которое скоро возвратитъ степи все, что у нея было взято.

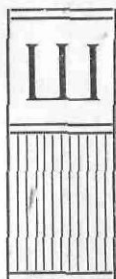

Киргизская супружеская чета.

ГЛАВА VII.

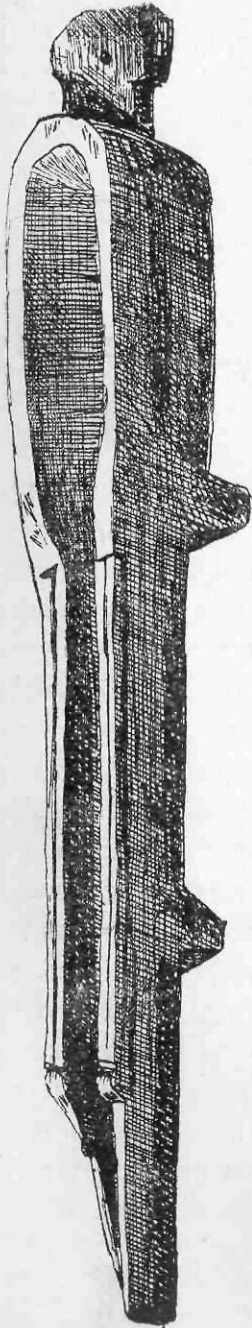
Изъ области вѣрованій и суевѣрій.

варць *), приводя разныя странныя исторіи о киргизахъ, говоритъ между прочимъ, что киргизамъ исламъ былъ навязанъ русскимъ правительствомъ, благодаря недоразумѣнію: считая киргизовъ магометанами, оно въ официальныхъ сношеніяхъ и актахъ говорило постоянно объ Аллахѣ, посылало къ нимъ муллъ и строило мечети. Это, внѣ всякаго сомнѣнія, небылица. Радловъ **), напротивъ того, утверждаетъ, что киргизы уже столѣтія какъ перешли совершенно въ исламъ, и я могу только присоединиться къ нему, когда онъ считаетъ себя въ правѣ признавать ихъ даже строгими магометанами. Они бреютъ голову, уничтожаютъ волосы на тѣлѣ, подстригаютъ усы, которые не должны покрывать губъ, и оставляютъ нетронутой остальную бороду, вырывая волосы только на подбородкѣ; они уже не ѣдятъ, какъ дѣлали это прежде, кровь убитыхъ животныхъ; они устраиваютъ двери въ сторону Мекки, совершаютъ предписанныя имъ молитвы и исполняютъ нѣкоторыя правила строже, чѣмъ я это видѣлъ гдѣ бы то ни было. Во время молитвы ничто

*) Turkestan, сгр. 58.

**) Aus Sibirien. I, стр. 470.

постороннее не должно быть между молящимся и цѣлью его набожныхъ мыслей— святой Меккой, поэтому онъ втыкаетъ передъ собою въ землю палку, которая должна изображать Мекку. Если кто либо пройдетъ мимо, онъ остается внѣ этой границы и, слѣдовательно, не является помѣхой для молящагося, т. к. связь между нимъ и его Меккой не нарушена. Верхній конецъ палки украшенъ простой рѣзбою, круглой головкой или подобіемъ купола мечети въ миниатюрѣ, нижній же конецъ для того, чтобы лучше держаться въ землѣ, имѣетъ желѣзный наконечникъ. Нѣсколько разъ я узнавалъ въ этомъ послѣднемъ доисторическіе наконечники копій; ихъ часто можно найти въ степи, и киргизъ охотно украшаетъ этой дешевой находкой свою молитвенную палку. Онъ ими, однако, не дорожить; когда я изъявлялъ желаніе пріобрѣсти такой наконечникъ, то не соглашались на это, если я претендовалъ и на палку, но тотчасъ же отдавали, какъ только я отъ палки отказывался.

Другимъ предметомъ, котораго раньше я нигдѣ не встрѣчалъ, является деревянный жолобъ длиною въ девяносто пять сантиметровъ, служащій для того, чтобы молоко или воду, которую лизали собаки или овцы, очистить, какъ того требуетъ обрядъ, семикратнымъ переливаніемъ (рис. 19). Отъ такого очищенія

Рис. 19. Деревянный жолобъ для ритуальнаго очищенія мо-

чего не выигрываетъ, напротивъ того, послѣ переливанія она, по всей вѣроятности, становится только грязнѣе, но въ ритуальномъ смыслѣ она была осквернена прикосновеніемъ животныхъ, и переливаніе смываетъ съ нея это пятно. Эти деревянные жолобы встрѣчаются рѣдко, я видѣлъ такой жолобъ въ кибиткѣ одного муллы, отецъ котораго тоже былъ муллою и передалъ этотъ жолобъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ вмѣстѣ съ книгами и строгими правилами жизни. Мнѣ стоило не мало переговоровъ, пока мнѣ уступили этотъ жолобъ. Почти всѣ киргизы, которымъ случалось видѣть потомъ у меня этотъ предметъ, спрашивали меня о его назначеніи; имъ, слѣдовательно, не было извѣстно ни его употребленіе, ни самый обрядъ, связанный съ нимъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что исламъ теряетъ здѣсь свою силу. Посѣщеніе русскихъ школъ, которыя могли бы повліять въ этомъ смыслѣ, представляетъ собою все еще лишь единичное явленіе, и слѣды этого вліянія, если оно вообще и было сознательнымъ, скоро пропадаютъ по возвращеніи на родину. Гораздо большее значеніе имѣетъ, напротивъ того, посѣщеніе специальныхъ — киргизскихъ — заведеній, татарскихъ школъ и высшихъ учебныхъ заведеній, и гораздо устойчивѣе ихъ вліяніе на магометанскую жизнь въ степи. Татарская культура является ферментомъ для дальнѣйшаго развитія западной части Средней Азіи, развитія, будущность котораго невозможно предугадать, но которое въ настоящемъ настолько же укрѣпляетъ положеніе тамъ магометанства, насколько оно уничтожаетъ національныя особенности матеріальной культуры.

На ряду съ новымъ, открывшимся или возобновленнымъ для ислама степной области вмѣстѣ съ русской эрой татарскимъ источникомъ продолжаетъ существовать своимъ чередомъ болѣе древній туркестанскій. Мангышлакъ на осно-

ваніи старыхъ связей тяготеетъ къ Хивѣ; отсюда онъ получаетъ свое зерно, туда онъ посылаетъ своихъ молодыхъ людей для подготовки въ муллы. Это образование требуетъ денегъ и является, поэтому, привиллегіей сыновей богатыхъ родителей. Деньги правда, возвращаются. Мулла получаетъ за свое учительство даровое помѣщеніе у главы аула и пять рублей въ мѣсяцъ за cadaго ученика, не считая экстреннаго заработка за свои душеспасительныя функціи при свадьбахъ, обрѣзаніи и т. п., такъ что „у муллы всегда водятся деньги“, какъ принято говорить. Они пользуются и остальными дарами жизни: могутъ жениться, могутъ — по крайней мѣрѣ на Мангышлакъ, въ противоположность Хивѣ, — пить кумысъ и имѣютъ достаточно досуга, чтобы отдохнуть отъ своихъ не слишкомъ сложныхъ обязанностей. Дѣятельность ихъ, какъ отчасти уже было указано, состоитъ въ благословеніи вступающихъ въ бракъ, чтеніи молитвъ при рожденіи, болѣзни и смерти и т. д., обученіи чтенію и письму, обрѣзаніи и изготовленіи талисмановъ.

Какъ и повсюду, гдѣ господствуетъ исламъ, на примѣръ, во всей магометанской Африкѣ, части изрѣченій корана пишутся на бумажкахъ, которыя затѣмъ зашиваются въ кожу и надѣваются въ видѣ сумочекъ на шею или прикрѣпляются сзади халата. Ихъ назначеніе защищать и излѣчивать отъ болѣзней или предохранять отъ дурного глаза людей и животныхъ. Но и при разныхъ другихъ злключеніяхъ и даже, когда не везетъ въ любви, помогаютъ изреченія столь опытнаго въ *ars amandi* пророка. Искусство книжника вытѣснило, несомнѣнно, многіе амулеты прежнихъ временъ, но добрая доля сохранилась и по сію пору, и мулла сумѣлъ приспособиться къ нимъ. Кости и кусочки войлока, которые хотятъ навѣсить животному, чтобы уберечь его отъ дурного глаза, даютъ сначала муллѣ подержать въ рукѣ для того, чтобы

они лучше дѣйствовали. Локтевая кость овцы, которая по мнѣнію муллъ, имѣетъ сходство съ начертаніемъ слова Магометъ, и должна, слѣдовательно, приносить особое счастье, заняла, благодаря этому, исключительное положеніе; ее навѣшиваютъ особенно лошадямъ и прикрѣпляютъ къ рѣшеткѣ кибитки (рис. 21 а).

Если нельзя обойтись безъ муллы при обрѣзаніяхъ, свадьбахъ, при обученіи, то въ фабрикаціи амулетовъ и лѣченіи болѣзней ему приходится конкурировать со странствующими знахарями, которые разными заговорами болѣзней и гаданіями обезпечиваютъ себѣ беззаботное существованіе; въ послѣднее время, впрочемъ, ихъ вліяніе, повидимому, падаетъ, и они находятъ себѣ еще доступъ только къ легко-вѣрнымъ почитателямъ. На Мангышлакѣ ихъ зовутъ колдунами, въ восточной степной области — баксами; это вымирающіе остатки шаманства, которое въ домагометанскія времена владѣло духовною жизнью киргизовъ. Радловъ (I. с.) писалъ уже подробно, какъ о сути стараго шаманства, такъ и о баксахъ, поэтому я обращаю вниманіе читателя лишь на нѣкоторыя аналогіи и личныя мои наблюденія.

Техника жертвоприношенія требуетъ отъ шамана, чтобы онъ не ломалъ и не затрагивалъ костей, а вылуцивалъ бы ихъ изъ суставовъ; этотъ способъ еще и теперь употребляется киргизами при закальваніи животныхъ. Приводимая Радловымъ формула заклинанія, которымъ изгоняютъ злыхъ духовъ, начинается словами шокъ! шокъ! (Не сворачивай съ своего пути и т. д., I. с. II, стр. 35); подобное же заклинаніе произноситъ и колдунъ, когда изгоняетъ болѣзни. Душа приносимаго въ жертву животнаго изображается въ церемоніалѣ заклинанія какъ лошадь, на которой шаманъ ѣдетъ на небо; лошадь, несущую демоновъ болѣзни, символизируетъ

также колдунъ. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ колдовства, при которомъ были употреблены изображенные на рис. 20 черепа. Послѣ сцены заклинанія въ кибиткѣ, при которой колдунъ, къ сожалѣнію, не разрѣшилъ мнѣ присутствовать, и которая состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что трясутъ и катаютъ больного, свистятъ и кричатъ, берутъ утыканный куклами, т. е. палочками, обернутыми тряпочками. и разрисованный красными точками лошадиный черепъ и еще два точно также разрисованныхъ собачьихъ черепа, выносятъ ихъ въ степь и кладутъ одинъ позади другого на дорогу (большею частью имѣются вытоптанныя дорожки,

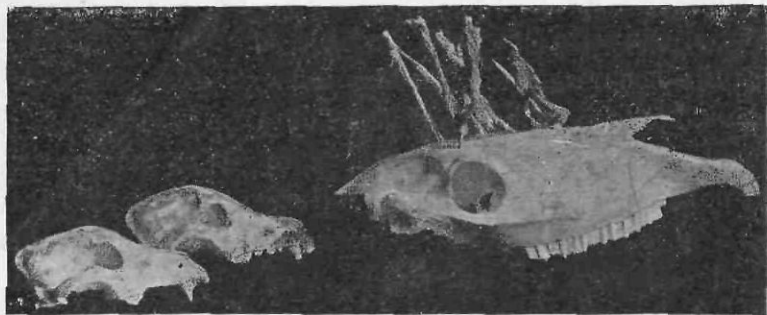

Рис. 20. Предметы заклинанія при болѣзняхъ.

ведущія къ колодцу); затѣмъ сжигаютъ старыя тряпки и свистятъ и дуютъ на злыхъ духовъ, которые воплощены въ куклахъ и уносятся лошадыю, погоняемой собаками. Черепа оставляютъ на томъ самомъ мѣстѣ, куда ихъ положили, пока ихъ не истопчутъ животныя, и дождь и вѣтеръ не превратятъ въ пыль. Если киргизъ встрѣтитъ ихъ на своемъ пути, онъ обходитъ ихъ, но скрывать или зарывать ихъ въ землю не принято.

Мнѣ не пришлось натолкнуться еще на какія либо другіе слѣды шаманства, если не отнести сюда одного, основаннаго на почитаніи предковъ, повѣрья: если по умершемъ не совер-

Многочисленность киргизской семьи.

шается никакихъ поминокъ, сопровождаемыхъ празднествами или на его могилу не кладется камня, то онъ вынужденъ будетъ голодать и страдать, а домъ сына, не исполнившаго своего долга по отношенію къ отцу, постигнуть болѣзни и бѣдность. Сюда же можно было бы причислить еще приношеніе въ жертву волосъ, если бы не было вѣроятія, что такой обычай перенять у славянъ. Онъ состоитъ въ томъ, что при тяжелыхъ родахъ передъ родильницей сжигаютъ волосы, которые для этой цѣли выпрашиваются у русскихъ; иногда, чтобы получить такіе волосы, киргизамъ приходится совершать большія путешествія, такъ какъ они считаютъ, что помочь могутъ волосы именно русскихъ. Этотъ обычай, повидимому, недавняго происхожденія, а небольшое его распространеніе говоритъ въ пользу того, что онъ завезенъ извнѣ.

Больше сохранилось за то пережитковъ изъ временъ анимизма, предшествовавшаго шаманизму, — вѣра въ одушевленность всего существующаго, въ эманацию силъ при жизни и послѣ смерти, и основанное на этомъ использованіе этихъ силъ друзьями и врагами.

При тяжелыхъ родахъ на руку брызгаютъ кровь только что убитой овцы или держатъ руки надъ огнемъ, въ который положено сало, и затѣмъ трутъ ими лицо. Чтобы привлечь къ себѣ любовь мужчины и женщины привязываютъ къ штанамъ бѣлый кончикъ хвоста прыгуна или прибѣгаютъ къ слѣдующему сложному средству: нужно отыскать нору черепахи и устроить вокругъ нея изъ травы ограду, такъ чтобы черепаха не могла попасть въ нее; тогда она притащитъ толстый стебель травы и проложитъ себѣ имъ черезъ препятствіе дорогу. Этотъ стебель нужно взять и положить его такъ, чтобы никто не видѣлъ, въ бѣлье любимаго существа. Эта фантазія, которой сами киргизы не рѣшались

выставить *probatum est*, есть, конечно, продуктъ уже позднѣйшаго символическаго мышленія.

Охотникъ обмакиваетъ конецъ дула своего ружья въ кровь убитаго животнаго, чтобы обезпечить себѣ удачу на охотѣ. Моча лошадиная или овечья пьется отъ болѣзней или втирается; въ извѣстныхъ случаяхъ берется только моча бѣлой кобылы. Если женщина хочетъ развестись съ мужемъ, который отказываетъ ей въ разводѣ, она обращается къ муллѣ, и тотъ пишетъ ей талисманъ, который заставитъ мужа дать свое согласіе. Если заболѣваетъ мужчина и обращается къ колдуну, то этотъ по-

Рис. 21. Киргизскіе амулеты.

слѣдній непременно свалитъ болѣзнь на такой талисманъ своего противника, муллы, и предпишетъ втираніе мочи, — отличная иллюстрація соперничества между муллою и колдуномъ, между новымъ временемъ и старымъ.

При переломахъ костей принимаютъ внутрь порошокъ изъ истолченныхъ птичьихъ костей. Чтобы стада были здо-

ровы и размножались, нанизываютъ на ремешокъ и сохраняютъ треугольные кусочки, которые вырѣзываются какъ мѣтки изъ ушей овецъ, (рис. 21 в.); съ этою же цѣлью въ кибиткѣ подвѣшиваютъ наполненные травою кусочки овечьей шкуры (рис. 21 с).

При тяжелыхъ родахъ берутъ съ могилы—предпочтительно съ могилы святого—песокъ, смѣшиваютъ его съ водою и пьютъ эту смѣсь или моютъ себѣ ею лицо.

Змѣй варятъ и ѣдятъ или прикладываютъ къ ранамъ; волосы отъ первой стрижки вѣшаются дѣтямъ на шею; при болѣзняхъ дѣтей или скота имъ навѣшиваютъ овечью лопатку, черепаший щитъ, рыбы зубы, волчьи ноги, перья и ножки совы. Амулеты изъ перьевъ и ножекъ совы особенно трудно получить, такъ какъ сову не стрѣляютъ, считая ее священной птицей (рис. 21а).

Можно было бы сюда причислить еще обычай при боли въ животѣ обвязывать дѣтямъ этотъ послѣдній желудкомъ только что убитой овцы и класть на опухоли и вывихи кусокъ войлока, намазанный густой кашицей, приготовленной изъ растолченного и свареннаго на водѣ овечьяго помета. Но этотъ обычай относится скорѣе всего къ области народной медицины и основанъ на благотворномъ дѣйствиіи тепла. Точно также, быть можетъ, обычай обвязывать при боли въ костяхъ запястья руки кожанымъ ремешкомъ основывается на наблюдении, что давленіе ослабляетъ иногда боль, какъ напр. при вывихахъ, при ревматическихъ невралгіяхъ.

Эманация силъ приводитъ къ дѣйствию на разстояніи, которымъ могутъ воспользоваться враги, чтобы нанести вредъ. Мнѣ не разъ приходилось отказываться отъ фотографированія, такъ какъ женщины были увѣрены, что онѣ должны будутъ тогда послѣдовать за своимъ изображеніемъ, и спасались въ глубь кибитки, какъ только появлялась моя камера.

Еще распространеннѣе, чѣмъ боязнь колдовства при помощи изображенія, страхъ передъ дурнымъ глазомъ; особенно опасны въ этомъ отношеніи рыжіе и голубоглазые люди — здѣсь антипатія къ необычайному смѣшивается съ расовымъ инстинктомъ, который въ свою очередь объясняется этой первой. Рекомендуемымъ средствомъ противъ дурного глаза является, страннымъ образомъ, моча или слюна того самаго человѣка, который „сглазилъ“ ребенка; собираютъ смоченный ими песокъ и, разбавивъ, если нужно, водою, даютъ ребенку выпить. Предписаніе хорошаго тона требуетъ, чтобы при встрѣчѣ со стадами не подѣзжать слишкомъ къ нимъ близко, если не хочешь обидѣть хозяевъ; возможно, что обычай этотъ основанъ также на боязни дурного глаза, если не считать его мѣрой предосторожности еще изъ временъ усобицъ.

Вариантомъ дурного глаза можно считать и страхъ передъ высказаннымъ порицаніемъ или похвалою. Какъ у насъ нельзя на стѣнѣ рисовать черта, такъ точно киргизскимъ дѣтямъ запрещаютъ упоминать волка, такъ какъ иначе онъ нападетъ на стадо; какъ у насъ, когда говоришь, что все идетъ хорошо, нужно, чтобы не сглазить, сплунуть три раза или постучать три раза подъ столомъ, такъ у киргизовъ нельзя хвалить дѣтей или верблюдовъ безъ того, чтобы не произвести вслѣдъ за этимъ быстро „плюй на это“. Наконецъ, боязнь дурного вліянія со стороны чужого находить себѣ еще выраженіе въ той роли, которую играютъ здѣсь колдуны во всѣхъ сказкахъ и разсказахъ.

Къ этимъ тремъ источникамъ духовной жизни киргизовъ, которые мы только что прослѣдили, присоединяется еще одинъ; онъ самый древній и относится къ эпохѣ доанимистической, къ тѣмъ примитивнымъ временамъ, когда еще только начинали познавать окружающій міръ, различать и отмѣчать

необыкновенныя явленія и стараться объяснить ихъ и привести въ связь съ дѣйствительными происшествіями. Заключение „post hoc, ergo propter hoc“ даетъ основаніе къ ихъ оцѣнкѣ, которая смотря по обстоятельствамъ выпадаетъ благопріятно или неблагопріятно; факты, желанія, надежды и опасенія, мысль, работающая путемъ аналогій — обусловливаютъ ихъ связь. Сюда относится весь сонмъ толкованій сновъ и значенія судорогъ, предрассудки, связанные съ извѣстными днями, животными, числами, созвѣздіями, и разными предсказанія. Снами, приносящими счастье считаются: ѣздить верхомъ, обогнать верхомъ другого, охотиться, убить дичь, летать, упасть съ высоты и стать на ноги, видѣть змѣю или волка, бить свою жену, плавать въ чистой морской водѣ или утонуть, совокупляться, видѣть дождь, огонь, убивать змѣю. Кто во снѣ плачетъ или чья жена плачетъ, тотъ будетъ имѣть дѣло съ дождемъ; кто видитъ во снѣ солнце, мѣсяцъ или звѣзды, у того родится сынъ; кто во снѣ поймаетъ птицу, которая ѣсть другихъ, женится или будетъ имѣть дѣтей; кто покупаетъ и надѣваетъ новые сапоги, непременно долженъ будетъ отправиться куда-нибудь верхомъ; кто ѣсть сало или мясо, будетъ богатымъ. Въ этихъ толкованіяхъ выражаются отлично желанія и идеалы киргиза. Кошмары, повидимому, не мало мучаютъ киргизовъ, что не удивительно при ихъ обильныхъ явствахъ и продолжительной послѣобѣденной сіесты.

Плавать во снѣ въ грязной водѣ или тонуть въ ней, погружаться въ сырую землю, видѣть женщину, не вступая съ нею въ связь, или видѣть верблюда, корову, собаку — считается плохимъ предзнаменованіемъ.

Животныя въ этихъ толкованіяхъ, раздѣляются на группы, смотря по тому, играютъ ли они хорошую или плохую роль въ жизни человѣка; сверхъ уже названныхъ, укажу

здѣсь на паука, который приноситъ счастье, когда спускается съ потолка. Нейтральную роль играетъ воронъ, онъ является вѣстникомъ будущаго, но нельзя знать какого—хорошаго или дурного, поэтому ему говорятъ: „если ты возвѣщаешь что-нибудь хорошее, то получишь сало, если же дурное, то получишь овечій пометъ“. То или другое значеніе, которое приписывается животнымъ, переносится и на названные по нимъ года. Киргизы ведутъ свое счисленіе по циклу, заключающему двѣнадцать годовъ, которые имѣютъ по порядку отъ перваго до двѣнадцатаго слѣдующія наименованія: курица, крыса, овца, лошадь, корова, мышъ, свинья, собака, змѣя, ракъ, заяцъ, пантера; изъ нихъ годы свиньи, овцы, зайца и крысы считаются плохими, годы змѣи и собаки — хорошими, т. е. если новый годъ, напр., годъ зайца, то нужно быть готовымъ къ тому, что травы не уродятся, зима будетъ суровая, скотъ будетъ падать и т. д. По такимъ цикламъ, между прочимъ, опредѣляется и возрастъ. Если кто-нибудь не знаетъ своихъ лѣтъ, то онъ знаетъ наименованіе года, въ которомъ онъ родился, и такъ какъ очень трудно ошибиться на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, то опредѣлить настоящій возрастъ будетъ ужъ не трудно.

Относительно судорогъ у меня собраны слѣдующія замѣтки: если подергиваетъ правый глазъ, то это хорошій знакъ, исполнится желаніе, будетъ какая-нибудь радость; если же лѣвый — то случится что-нибудь непріятное. Если чешется рука, то получится подарокъ. Если звенить у кого-нибудь въ правомъ ухѣ, то о немъ думаютъ или говорятъ что-либо хорошее, если звенить въ лѣвомъ, это означаетъ, что говорятъ худое. Или: на небѣ стоитъ дерево, каждый листъ этого дерева принадлежитъ какому-нибудь человѣку; когда умираетъ человѣкъ, отпадаетъ и его листъ; если у кого-нибудь умираетъ другъ, то паденіе листа отзовется звономъ

въ ухѣ этого человѣка. Чиханіемъ подтверждается правдивость того, что при этомъ говорятъ. Вздрагиваніе предсказываетъ болѣзнь, дрожь по тѣлу—что-либо неприятное. Если подергиваются губы, значитъ будетъ хорошее кушанье, если носъ—значитъ будетъ головная боль и насморкъ; если дергается въ правой рукѣ, значитъ будутъ деньги или подарокъ, въ лѣвой—околѣтетъ животное. Если женщина зѣваетъ, значитъ она хочетъ имѣть мужа.

Изъ антропологическихъ примѣтъ я отмѣтилъ слѣдующіе: бѣлыя пятна на ногтяхъ появляются разъ въ году и означаютъ у мужчинъ, что лошади будутъ отличныя, а въ стадѣ много молодого скота, у женщинъ—что родятся дѣти. Рыжихъ волосъ не любятъ и рыжихъ людей считаютъ злыми. Сросшіяся брови приносятъ счастье: мужчина будетъ имѣть красивую жену, а женщина будетъ любима мужемъ. Линіи руки, расположенныя такъ, что образуютъ М, означаютъ хорошаго человѣка.

Изъ чиселъ только три считается счастливымъ числомъ, семь же и тринадцать не имѣютъ, какъ у насъ, дурного значенія.

Суевѣрія относительно извѣстныхъ дней недѣли проявляются у туркменовъ въ томъ, что въ пятницу не разбираютъ аула, въ субботу не вѣшаютъ ни ковровъ, ни платья, въ понедѣльникъ не идутъ на западъ.

Падающая звѣзда означаетъ у туркменовъ смерть какого-нибудь человѣка; млечный путь—это у киргизовъ дорога, по которой птицы летятъ въ Мекку.

Идейная связь между необычайными явленіями и фактами повседневной жизни приводитъ на первыхъ же порахъ своего дальнѣйшаго развитія къ мысли вызывать такія явленія искусственно для того, чтобы узнавать предстоящее человѣку будущее, т. е. приводитъ къ предсказаніямъ, создаетъ, такимъ образомъ, оракуловъ.

Длинная кость овцы кладется на огонь; если она треснетъ по длинѣ, это предсказываетъ счастье. Когда рѣжутъ животное, то объ стѣну кибитки кидаютъ хрящъ (кончикъ грудной кости); если кость при этомъ застрянетъ въ стѣнѣ, то лошади на скачкахъ выиграютъ. Гадаютъ также на овечьей лопаткѣ: ее кладутъ на огонь и рассматриваютъ число и направление образующихся на ней трещинъ. Эта „Scapulimantia“, о которой Андрее написалъ нѣсколько времени тому назадъ обстоятельную работу*), еще и по сю пору практикуется у киргизовъ на Мангышлакѣ, но, повидимому, она здѣсь отживаетъ ужъ свой вѣкъ — не многія лишь лица, и даже не всѣ колдуны, прибѣгаютъ къ ней; она уступаетъ мѣсто гаданію по шарикамъ овечьего помета, о которомъ говоритъ Радловъ**). Гаданіе, которое было продѣлано для меня на лопаткѣ, соотвѣтствуетъ отчасти тѣмъ, которыя описали Палласъ и Патанинъ, отчасти же оно даетъ и нѣчто новое, и я предполагаю, что его измѣняютъ въ зависимости отъ времени, мѣста и самого предсказателя. Трещина, идущая по всей длинѣ кости означала и у меня „дорогу“; если при этомъ объ половинки лопатки не по всей длинѣ трещины прилегаютъ плотно другъ къ другу, а одна изъ нихъ стоитъ нѣсколько выше другой, то это хороший знакъ; линія, идущая отъ продольной трещины къ ости, означаетъ приѣздъ родственника, трещины у нижняго угла предсказываютъ смерть, на концѣ ости и въ суставной ямкѣ — новости; поперечныя трещины вблизи внутренняго края означаютъ враговъ, треснувшій край предсказываетъ дурную погоду.

Вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что по необыкновеннымъ явленіямъ можно предсказать будущее, является тотчасъ и же-

*) Въ Boas Memorial Volume, New-York, 1906.

***) I. с. I стр. 473.

Шеола въ степи.

Обучение корану.

ланіе повліять на это будущее. Опасности и тяготы жизни, потери, страданія, болѣзни, нужда и смерть порождаютъ страхъ и желаніе найти защиту и помощь. Робкому сердцу приходитъ на помощь пытливый разумъ, наблюдаетъ, комбинируетъ, выводитъ заключенія и дѣйствуетъ; онъ вырабатываетъ колдовство, чтобы устранить угрожающія опасности, добиться исполненія желаній. Его методъ—это смутное представленіе, что необыкновеннымъ вещамъ присуща и необыкновенная сила, или конкретный выводъ путемъ аналогій. Къ первой категоріи относится колдовство туркменовъ съ камнями, которые иногда попадаютъ въ большихъ рыбахъ Каспійскаго моря; ихъ сохраняютъ и пускаютъ въ ходъ при болѣзняхъ, натирая ими раны и больныя мѣста или обмывая ихъ въ водѣ и давая пить эту воду больному.

Какъ и у насъ, простая аналогія привела киргизовъ къ убѣжденію, что бородавки проходятъ, когда луна идетъ на ущербъ; она же породила и суевѣріе относительно громовыхъ стрѣлъ, которое въ киргизской степи стоитъ въ связи съ бронзовыми наконечниками стрѣлъ древнихъ скиѳо-сарматскихъ народовъ, какъ въ Европѣ, Африкѣ, Америкѣ и остальныхъ частяхъ Азіи съ доисторическими каменными топорами. Во время грозы ангелъ, которому подвластны тучи, борется съ чортомъ, который ему мѣшаетъ; онъ его бьетъ такъ сильно, что гремитъ, онъ стрѣляетъ въ него огненными стрѣлами—молніи,—которыя сжигаютъ траву и убиваютъ людей, если упадутъ на землю; такія стрѣлы часто находятъ на равнинахъ Мангышлака среди выгорѣвшей степной травы. Ихъ тщательно сохраняютъ въ кибиткѣ въ сундукахъ или вѣшаютъ на шею больнымъ дѣтямъ или животнымъ, особенно верблюдамъ. Хотя наблюденіе смѣшиваетъ здѣсь двѣ различныя вещи, — доисторическіе бронзовые наконечники стрѣлъ и безформенное метеорное желѣзо, — но

тѣмъ не менѣе умозаключеніе идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и при нашихъ каменныхъ топорахъ, принимаемыхъ за громовыя стрѣлы: какъ громъ сравнивается съ ударомъ каменнаго топора, такъ молнія уподобляется полету стрѣлы; духи, которые посылаютъ на человѣка вмѣстѣ съ другими бѣдами также и губительную грозу, употребляютъ то же оружіе, что и люди. Большею частью это каменный топоръ, рѣже стрѣла, какъ въ Киргизской степи или въ Помераніи и Мекленбургѣ, гдѣ коническіе бурые белемниты называютъ „Dunperpile“ — громовыя стрѣлы. Чортъ и ангелъ въ понятіи киргизовъ являются только новой магометанской оболочкой старыхъ анимистическихъ представлений.

Рис. 22.

Бронзовый
наконечникъ
стрѣлы изъ
Киргизской
степи.

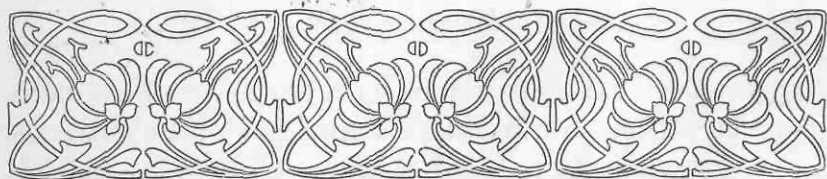
Нашедшій такое оружіе небесныхъ силъ бережно хранить его; оно пользуется большимъ почетомъ и, наконецъ, на него начинаютъ смотрѣть, какъ на талисманъ, дающій защиту противъ той же грозы, отъ которой онъ происходитъ. Впослѣдствіи эти талисманы приобрѣтаютъ еще большее значеніе и помогаютъ ужъ противъ разныхъ бѣдствій, постигающихъ человѣка, какъ пожаръ, болѣзни и т. п. (рис. 22).

Приведу еще нѣкоторые обычаи, происхождение которыхъ мнѣ не ясно. Мѣдныя ожерелья помогаютъ противъ язвъ на шеѣ; не обязаны ли они своимъ значеніемъ подобному же обстоятельству, какъ и бронзовые наконечники стрѣлъ? Обычай протыкать уши существуетъ, но трудно рѣшить, было ли первоначальнымъ поводомъ къ нему убѣжденіе, что протыканіе ушей способствуетъ здоровью мальчика, или же простое побужденіе къ украшенію. Женщины, которыя долго оставались бездѣтными и поздно родили, протыкаютъ дѣтямъ уши ранѣе обычнаго срока, на третьемъ году, въ той увѣренности, что это

способствуетъ ихъ долготѣю. Но и это не даетъ ключа къ рѣшенію вопроса о первоначальномъ поводѣ къ протыканію ушей; ибо, если даже въ его основѣ и лежитъ украшеніе, то традиція могла сдѣлать изъ него обычай, которому женщины спѣшатъ отдать дань.

Когда кто-либо заболѣваетъ, онъ незадолго до восхода и захода солнца выходитъ изъ обращенныхъ на югъ дверей своей кибитки, поворачивается влѣво и ложится во всю длину на землю, одинъ разъ на правый, другой разъ на лѣвый бокъ, затѣмъ встаетъ, обходитъ сзади кибитки на западъ, здѣсь продѣлываетъ опять тѣ же двѣ процедуры и возвращается въ кибитку. Есть-ли этотъ, обставленный нѣкоторою таинственностью, обычай остатокъ шаманства съ его жертвоприношеніями и культомъ предковъ или недавній продуктъ ислама, я не могу рѣшить.

ГЛАВА VIII.

Киргизская линия.

Кому приходится путешествовать по Востоку послѣ того, какъ годы очистили его сужденія отъ слишкомъ легкой восторженности юности, или опытъ и привычка освободили ихъ отъ предвзятости впервые осуществившагося стремленія узнать далекій міръ по ту сторону родины, схоронить не одну иллюзію и будетъ холоднѣе относиться къ напыщеннымъ гимнамъ прежнихъ и нынѣшнихъ временъ, воспѣвающихъ все великолѣпіе и сказочную красоту восточныхъ странъ. Но съ однимъ ему придется согласиться при всякихъ обстоятельствахъ: большаго богатства красокъ не являетъ ни одна народная жизнь въ мірѣ, болѣе тонкаго и выразительнаго чувства колорита — никакая этнографическая картина земного шара по сравненію съ городами Туркестана, особенно Бухарой. Это чутье къ краскамъ нужно разсматривать, какъ культивированное тысячелѣтіями наслѣдіе переднеазиатскихъ культуръ. Въ безконечныхъ буряхъ подтачивали это наслѣдіе беспощадная грубость дикихъ разрушительныхъ войнъ и разлагающій фанатизмъ новыхъ

религіозныхъ идей съ ихъ послѣдствіями для мысли и искусства. Не осталось никакихъ слѣдовъ изобразительнаго искусства; отъ архитектуры осталось лишь нѣсколько прекрасныхъ, правда, и въ тлѣнности своей, развалинъ; только въ прикладномъ искусствѣ еще вспыхиваютъ отдѣльные слабые отблески былой красоты, — бухарскія вышивки, персидскіе ковры и еще болѣе ковры номадовъ Мерва, Пенде, Афганистана и Белуджистана полны еще и теперь, какъ прежде, того особаго настроенія, какое намъ даетъ тихій ландшафтъ или гармонично замирающіе звуки музыкальнаго произведенія.

Но вѣтеръ, который потушить и эти послѣднія искры — это нивелирующее вліяніе Европы, а что оно оставляетъ на своемъ пути, какъ выглядитъ „Востокъ“, по которому прошла его коса, показываетъ Персія, Турція, Египетъ и французская сѣверная Африка. Въ Россіи этому вліянію подпало сначала татарство, которое теперь съ своей стороны сдѣлалось разлагающимъ ферментомъ для родственныхъ ему восточныхъ сосѣдей; Туркестанъ находится въ центрѣ этого процесса броженія. Когда въ 1903 году я, на основаніи своего перваго наблюденія, издалъ нѣсколько замѣтокъ объ этнографическихъ измѣненіяхъ въ Туркестанѣ*), я самъ не вѣрилъ, чтобы они могли дѣлать такіе быстрые шаги, какъ мнѣ пришлось констатировать это спустя два года. Въ Ташкентѣ — чтобы не быть голословнымъ — казалась почти исчезнувшей чалма, живописный бѣлый тюрбанъ, — довольствуются теперь, по большей части, одной только шапочкой конической формы, вокругъ которой обматывается чалма, и которая значительно легче, удобнѣе, прохладнѣе и въ то же время вполне достаточна, чтобы защитить гладко выбритую макушку. Столица задаетъ тонъ, за нею послѣдуютъ остальные города русскаго Туркестана и, наконецъ, поддастся

*) Archiv für Anthropologie, Neue Folge, II, 194.

также и правовѣрная, номинально независимая Бухара. Лишенная своего главнаго украшенія — тюрбана — шапочка должна неминуемо потерять и свои яркіе цвѣта, которыми она теперь отличается, и разнообразіе которыхъ превосходитъ на шапочномъ базарѣ всякое воображеніе; ей придется пойти дорогою татарской шапочки и фески. Такая же судьба ожидаетъ и халатъ.

Чутье къ колориту, которымъ отличалась Передняя Азія, перешло къ сѣвернымъ ея сосѣдямъ, отчасти путемъ смѣшенія народовъ, какъ у туркменовъ, въ которыхъ вообще мало тюркскаго элемента и которые примыкаютъ, какъ въ антропологическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи, скорѣе къ осѣдлому, чѣмъ къ номадизирующему населенію Туркестана, — частью же путемъ торговыхъ сношеній, какъ у монголовъ и киргизовъ, которые на востокъ находятся подъ вліяніемъ Китая, на западъ подъ вліяніемъ Туркестана. Но кромѣ этого заимствованнаго чутья къ колориту, населеніе степи имѣетъ еще и врожденную любовь къ краскамъ, что вообще свойственно народамъ, стоящимъ ближе къ природѣ, какъ это проявляется, напр., въ искусствѣ нашихъ крестьянъ. Любовь женщинъ къ пестрымъ платкамъ и платьямъ есть откликъ этого чувства колорита.

Параллельно съ чутьемъ къ краскамъ номадамъ присуще и пониманіе формы; оно проявляется, правда, только въ прикладномъ искусствѣ, орнаментировкѣ, но здѣсь оно выражено тѣмъ не менѣе достаточно ясно, и заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Возможно, что въ предшествовавшей періодъ шаманизма идеи культа предковъ создавали и у тюркскихъ народовъ произведенія пластики, какъ у древнихъ азіатскихъ народовъ, но я сомнѣваюсь, чтобы размѣры этого искусства были сколько-нибудь значительны; я скорѣе склоненъ думать, что художественныя способности монголь-

ской природы отличаются отъ присущихъ древнеевропейской и древнеазиатской и склонны больше къ линейному орнаменту, чѣмъ къ пластикѣ или фигурному орнаменту. Въ настоящее время мы, во всякомъ случаѣ, ничего подобнаго не находимъ.

Къ тому же и образъ жизни и хозяйства киргиза не благопріятствуетъ развитію его художественныхъ задатковъ и ставитъ это развитіе въ естественныя границы. Вѣчное передвиженіе домашняго имущества не терпитъ ничего такого, что требуетъ заклепъ и гвоздей, а транспортированіе его на спинѣ верблюда исключаетъ все громоздкое и ломкое, матеріалъ же, приспособленный къ кочевому образу жизни большею частью мало пригоденъ для художественной отдѣлки. Сосуды для молока, изготовляемые изъ овечьяго желудка, ведра изъ шкуръ, кожаные мѣшки при всемъ желаніи не поддаются орнаментации. Первоначальная одежда, состоявшая изъ шкуръ и кожи, была не менѣе неподатлива въ этомъ отношеніи; узорчатое тисненіе и вышивка на кожаныхъ предметахъ обихода есть уже, по всей вѣроятности, вліяніе культуры сосѣднихъ городовъ. Когда появились ткацкое и красильное производство, они изъ старинной мѣстной техники, выработавшей орнаментацию, застали только деревянную рѣзбу и изготовленіе войлока. Которое изъ этихъ производствъ первоначальное, повидимому, еще спорно. Конечно, географическія свойства степи должны были бы привести къ заключенію, что недостатокъ въ деревѣ и богатство стадами, доставляющими шерсть, говоритъ въ пользу пріоритета техники войлочнаго производства, но не нужно представлять себѣ степь какъ одну непрерывную покрытую травами равнину. Мы встрѣчаемъ на ней, наряду съ безконечными, правда, степями, рѣки, періодически наполняющіяся водою русла, овраги, болота, гдѣ вездѣ есть древесная

растительность, дающая для примитивнаго прикладнаго искусства достаточно матеріала.

Съ другой стороны техника войлочнаго производства слишкомъ сложна, чтобы въ періодѣ развитія кочевнической культуры предшествовать зачаткамъ рѣзьбы по дереву, которые мы повсюду видимъ даже у народовъ, какъ нынѣшнихъ, такъ и прежнихъ, находящихся на болѣе низкой ступени развитія. Наконецъ мы встрѣчаемъ образцы простаго рѣзнаго орнамента, указывающаго на то, что у киргизовъ—или, говоря вообще, у монголовъ и родственныхъ имъ народовъ—ходъ вещей былъ такой же, какъ и повсюду, и мы находимъ указанія относительно происхожденія и развитія орнаментики, говорящія въ пользу того, что именно дерево, а не войлокъ, было первоначальною почвою, на которой развилось это искусство.

Рис. 23. Киргизская
пряслица.

На матеріалѣ моей коллекціи можно, по моему, различить, главнымъ образомъ, четыре типа орнаментации.

Къ первому типу относятся грубыя, небрежно врѣзанныя линіи, или неправильно разбросанныя, или симметрически сгруппированныя, какъ мы это видимъ на изображенной на рис. 23 пряслицѣ.

Второй типъ заключаетъ въ себѣ фигурные мотивы, а именно болѣе или менѣе стилизованныя изображенія животныхъ. Такъ, напр., на одномъ пологѣ кибитки мы видимъ вышитыя шелкомъ фигуры верблюдовъ и крабовъ; на другомъ пологѣ я видѣлъ контуры змѣй.

Третій типъ показываетъ растительные мотивы, которые доведены до большой пышности и выдають свое персидское происхожденіе. Мы встрѣчаемъ ихъ преимущественно на

Кибитка для почетныхъ гостей.

Разноска угощенія.

Палатка жениха.

Лошади жениха передъ его палаткой.

вышивкахъ, на халатахъ и попонахъ; техника ихъ напоминаетъ таковую на покрывахъ на носилки для покойниковъ, идущихъ послѣ употребленія въ продажу и извѣстныхъ, какъ „бухарскія покрывала“. На рис. 24 и 25 изображены

Рис. 24. Киргизскій женскій халатъ.

халаты киргизскихъ женщинъ, на рис. 26—попона, а именно передняя, накидывающаяся на лошадь впереди сѣдла; она дополняется второй попоной позади сѣдла, причемъ удлиненные углы спускаются сзади на хвостъ, а внизу доходятъ до колѣнъ (ср. таб. 23).

На отдѣльныхъ образцахъ я видѣлъ персидскій растительный орнаментъ на рѣзбѣ по дереву, напр., на пороховницахъ (рис. 35) и на орнаментированной кожѣ, какъ на рис. 27, гдѣ изображены кожаные щитки, висящiе по сторонамъ сѣдла *). Узоръ на этомъ послѣднемъ предметѣ не отличается чистотой, что въ данномъ вопросѣ является для насъ важнымъ. На первый взглядъ кажется, что мы

Рис. 25. Киргизскій женскій халатъ.

имѣемъ передъ собою стилизованный растительный орнаментъ, но наше вниманiе скоро приковывается къ себѣ слишкомъ голая закругленная линiя, и мы удивляемся тощимъ цвѣточкамъ, которые сидятъ такъ неувѣренно на заостренныхъ концахъ какъ бы вѣточекъ; затѣмъ взоръ замѣчаетъ, что въ средней дугѣ верхней половины изображенiя цвѣты

*) Тебенги.

отсутствуют и вѣтки переходятъ въ заостренный конецъ, что стебель нигдѣ не имѣетъ больше ни цвѣтовъ, ни листьевъ, какъ на верхушкѣ, и что узоръ сводится на повтореніе одной и той же дуговой линіи. Части растительнаго орнамента, заимствованныя у персидскихъ образцовъ, въ данномъ случаѣ являются лишь второстепенными придатками къ общей картинѣ, въ основѣ которой лежитъ уже четвертый типъ орнамента — двойная дуговая линія. Но эта линія не предста-

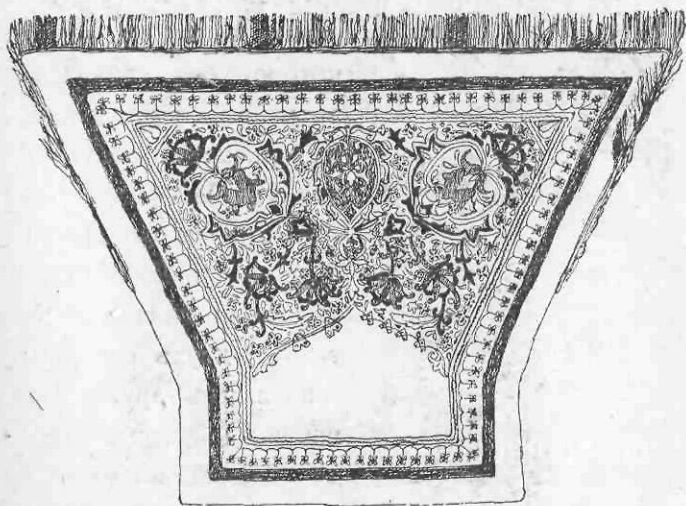

Рис. 26. Киргизская понона.

влетъ лишь одинъ изъ указанныхъ нами типовъ, она заключаетъ въ себѣ больше этого: она такъ часто встрѣчается, такъ постоянно повторяется, ея художественная разработка доказываетъ все предпочтеніе, которое ей отдается, — что въ ней съ правомъ можно признать типъ киргизскаго орнамента, ту линію, которая владѣетъ киргизскимъ стилемъ, составляетъ его суть, и можетъ быть названа: „киргизская линія“. Я съ сознательной осторожностью говорю здѣсь „киргизская линія“, — мы увидимъ дальше, должна

ли она быть приобщена къ одной народной единицѣ, или же распространёніе ея идетъ на столько дальше, что и названіе должно быть ей дано болѣе общее.

Уже со времени перваго моего путешествія въ 1903 году я сталъ изучать этотъ орнаментъ, а затѣмъ при моихъ

дальнѣйшихъ поѣздкахъ мнѣ попадались все новые варианты, которые дали мнѣ возможность установить его связь и выяснить основную формулу, къ которой онъ сводится. Тѣмъ временемъ и съ другой стороны орнаментъ этотъ обратилъ на себя вниманіе; и тутъ, и тамъ выводы оказались принципиально одинаковыми, и такъ какъ они являются результатомъ двухъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга наблюдений, то могутъ служить доказательствомъ или, по крайней мѣрѣ, подкрѣпленіемъ слѣдующихъ предположеній.

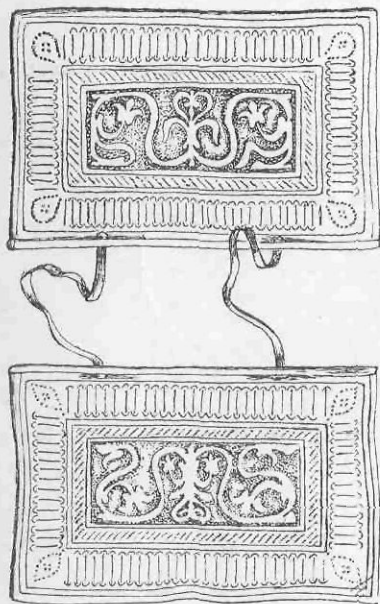

Рис. 27. Киргизскіе тебенги.

Статья, которую я имѣю въ виду — единственная извѣстная мнѣ — появилась въ 1907 г. въ Извѣстіяхъ этнографическаго отдѣла венгерскаго національнаго музея подъ заглавіемъ „Орнаментика каракиргизовъ“ и написана др. Almásy György. Она касается, слѣдовательно, матеріала, собраннаго среди восточной вѣтви тюрковъ, западныя пастбища которыхъ доставили мнѣ мой матеріалъ. Статья обѣщаетъ продолженіе, которое мнѣ, однако, осталось неизвѣстнымъ.

Авторъ считаетъ основаніемъ употребительнаго у киргизовъ линейнаго орнамента обращенную наружу спираль— по понятію киргизовъ бараній рогъ—кошкарнынъгу музи или кошкаръ музи—и развиваетъ дальнѣйшія варіаціи этого орнамента изъ техники его примѣненія къ кошмамъ. Позитивный орнаментъ и получающійся при вырѣзываніи обратный орнаментъ онъ считаетъ „началомъ азіатской орнаментики, слѣды которой играютъ чрезвычайно важную роль съ тѣхъ поръ въ ткацкой индустріи Востока“, а растительный орнаментъ персидскаго искусства — „второстепеннымъ явленіемъ, которое лишь въ недавнее время было привито къ древнѣйшимъ спиральнымъ мотивамъ“. Изъ приводимыхъ авторомъ положеній наиболѣе цѣнными и, въ общемъ, неоспоримыми мнѣ кажутся тѣ, которыя касаются обратнаго орнамента. Примѣнимо ли его объясненіе спиральнаго мотива ко всѣмъ персидскимъ коврамъ — мнѣ представляется сомнительнымъ; этнографія показала намъ, что нужно остерегаться односторонности и въ толкованіи орнамента избѣгать обобщеній. Къ одному и тому же узору можно, несомнѣнно, прійти различными путями его развитія (напомню лишь крестъ, свастику и интересующую насъ здѣсь двойную спираль), и я не считаю абсолютно невозможнымъ, чтобы изображенныя *Almàsy* узоры не сводились къ растительному орнаменту роднаго стиля, а не къ „киргизской линіи“; это не отнимаетъ у нихъ, однако, характера обратнаго орнамента и не противорѣчитъ происхожденію ихъ изъ техники накладнаго узора. Относящіяся сюда рисунки ковровъ номадовъ я, напротивъ того, вмѣстѣ съ ними признаю за тюркскіе узоры. Краткостью приведенной статьи объясняется то, что не повсюду взгляды его точно изложены, что не исключаетъ возможности недоразумѣній. Нужно полагать, что и *Almàsy* того мнѣнія, что только обратный

орнаментъ произошелъ изъ техники накладного узора, позитивный же орнаментъ, напротивъ того, болѣе ранняго происхожденія и развился независимо отъ этой техники. Онъ долженъ былъ уже существовать прежде, чѣмъ его начали примѣнять къ войлочнымъ коврамъ; послѣднее могло совершаться лишь путемъ вырѣзыванія узора либо изъ разнороднаго матеріала, который затѣмъ нашивался, либо изъ того же матеріала, войлока, который подвергался одинаковой съ ковромъ обработкѣ, т. е. его наносили на коверъ путемъ вваливанія. При вырѣзываніи узора самъ собой получался негативъ. Но въ обоихъ случаяхъ орнаментъ долженъ былъ уже заранѣе быть извѣстнымъ, картина его должна была существовать уже въ представленіи; онъ долженъ былъ зафиксироваться въ цѣломъ рядѣ переходныхъ стадій, начало которыхъ не могло лежать въ сложной technikѣ накладного узора, точно также, какъ и въ technikѣ плетенія циновокъ или въ technikѣ металлическихъ украшеній головныхъ уборовъ и вязанія мѣшковъ, гдѣ примѣняется тотъ же узоръ. Возможность такъ называемыхъ техническихъ орнаментовъ исключается. Настоящаго плетенія здѣсь не существуетъ, узоръ циновокъ образуется не переплетеніемъ стеблей, но путемъ обматыванія ихъ шерстью въ такомъ расчетѣ, чтобы вышелъ намѣченный заранѣе узоръ. Точно также нельзя и относительно войлока — который по однородности матеріала можетъ въ этомъ отношеніи быть поставленнымъ на ряду съ тапой примитивныхъ народовъ — говорить о техническомъ орнаментѣ, если понимать подъ этимъ, что сама техника обуславливаетъ извѣстныя линіи, которыя лишь впоследствии становятся сознательными и эстетически прочувствованными и уже, какъ таковыя, намѣренно примѣняются къ предметамъ другой техники. Единственная возможность варьировать лежитъ здѣсь въ выборѣ различ-

ной шерсти. Но это зависит не отъ способа производства, а отъ чисто экономическихъ соображеній; различную шерсть не смѣшиваютъ, а лишь накладываютъ такъ, чтобы худшая шерсть покрывалась лучшей, и послѣ того, какъ все свалется въ однородное цѣлое, оно имѣло бы видъ вещи большаго достоинства. Однородность составляетъ главную суть техники войлочнаго производства, которая не можетъ привести къ техническому орнаменту. Орнаментъ, правда, хотя и сливается — по крайней мѣрѣ на половину въ ввалянныхъ узорахъ — съ матеріаломъ и въ этомъ смыслѣ соотвѣтствуетъ ему; но онъ не обуславливается ни этимъ матеріаломъ, ни техникой его изготовленія. Узоры были уже налицо и наносились на матеріалъ подходящимъ для него техническимъ способомъ.

Зачатки орнамента можно искать здѣсь лишь на матеріалѣ, который находится готовымъ въ природѣ—камя и деревѣ. И на самомъ дѣлѣ, тутъ мы находимъ его въ его самой примитивной формѣ, мы видимъ здѣсь тѣ предшествовавшіе ему реалистическіе образы и ступени стилизаціи, которые выясняютъ его значеніе и происхожденіе. Этимъ я прихожу ко второму пункту, который долженъ былъ бы заслужить въ работѣ *Almàsu* болѣе точнаго опредѣленія.

Авторъ говоритъ объ обращенной наружу спирали, которую киргизы считаютъ бараньимъ рогомъ, но онъ не говоритъ, раздѣляетъ ли онъ это мнѣніе; онъ упоминаетъ названіе, которое оно носитъ у киргизовъ — „бараній рогъ“, но онъ не высказывается, придаетъ ли онъ этому названію значеніе въ смыслѣ выясненія орнамента и его происхожденія. Я склоненъ думать, что онъ именно такого мнѣнія, ибо, мнѣ кажется, невозможно, занимаясь этимъ узоромъ, не признать той внутренней связи, которая раскрывается передъ тѣмъ, кто, какъ авторъ, видитъ здѣсь зачатки азіатской орнаментики.

Съ незапамятныхъ временъ овцеводство было основой среднеазиатскаго хозяйства, и ничего нѣтъ естественнѣе, что овца—радость, богатство, жизненный нервъ номада,—доставляющая ему буквально все необходимое для его питанія и другихъ потребностей, играющая первенствующую роль въ его разказахъ и суевѣрїяхъ, и въ его искусствѣ является главнымъ мотивомъ.

Едва ли можно предположить, что дуговую линію породила смутная фантазія, что, радуясь ея красотѣ, ее преобразовали затѣмъ въ столь типичную, все повторяющуюся симметричную двойную линію, избрали ее почти исключительнымъ мотивомъ для орнамента, развили въ тысячу вариаций, не измѣняя ей ни разу, удержали въ теченіе цѣлыхъ столѣтій въ техникѣ всѣхъ производствъ, и что, только въ концѣ концовъ, въ ней было признано сходство съ бараньимъ рогомъ, и ей дали его названіе. Она, скорѣе, имѣла передъ собою образъ, а гдѣ искать его, какъ не въ этомъ именно рогѣ? Было бы натяжкой искать другой образъ—будь то какой либо существующій предметъ, мистическій символъ, или что либо другое—и предположить, что въ происшедшей изъ его изображенія орнаментной линіи уже впоследствии было признано сходство съ рогомъ, и ей было дано его названіе. Удивительно было бы, если бы всѣ киргизы и туркмены повсюду открыли это сходство и всѣ безъ колебанія назвали фигуру эту бараньимъ рогомъ. Когда я спрашивалъ у нихъ о значеніи другихъ узоровъ, они или отклоняли всякое объясненіе или, не полагаясь на себя, призывали на помощь старухъ. При толкованіи ими значенія занимающаго насъ орнамента не могло быть рѣчи о какихъ либо импровизированныхъ объясненіяхъ,—названіе мотива было, напротивъ того, совершенно традиціоннымъ, укоренившимся и общеизвѣстнымъ.

Свадебные гости на скачках.

Скачки.

Итакъ, я того мнѣнія, что въ этомъ мотивѣ мы имѣемъ дѣло не со спиральной линіей,—безразлично, придуманной ли или скопированной съ какого либо предмета и получившей названіе „бараній рогъ“ ради ея сходства съ этимъ послѣднимъ, а именно съ сознательнымъ изображеніемъ этого рога. Если бы вопросъ о происхожденіи киргизскаго орнамента могъ быть еще приобщенъ къ спору о происхожденіи орнаментовъ вообще, то можно было бы спорить о томъ, былъ ли сдѣланъ первый рисунокъ дуговой линіи сознательно, съ намѣреніемъ передать контуры бараньяго рога, или же она создалась сама собою среди другихъ нечаянныхъ и неосмысленныхъ черточекъ и царапинъ. Историки примитивнаго искусства отвѣтятъ на этотъ вопросъ различно. Но даже предположивъ второй случай, приобщеніе этой линіи къ орнаментикѣ, ея распространеніе и богатая разработка ея формъ становятся мыслимы лишь послѣ того, какъ она вылилась въ конкретный, сознательный образъ, образъ рога, который, слѣдовательно сформировался уже въ самую раннюю пору рисовальнаго искусства, до появленія какой бы то ни было сознательной орнаментики. Я, конечно, думаю, что этотъ конкретный образъ существовалъ еще до первыхъ сдѣланныхъ рисовальщикомъ штриховъ, что художникъ въ созерцаніи стоящаго передъ нимъ объекта узнавалъ знакомыя линіи и сознательно ихъ выводилъ.

Какъ это произошло, еще и теперь можно видѣть на киргизахъ Мангышлака. Всепоглощающее значеніе животнаго въ хозяйствѣ номада обезпечиваетъ ему особое вниманіе со стороны этого послѣдняго, и прежде всего того, который стоитъ съ нимъ въ непосредственномъ и постоянномъ общеніи — пастуха. Въ созерцательной праздности проводитъ онъ безконечные часы при своихъ стадахъ, отдыхаетъ на пескѣ, у колодца, подъ защитою скалъ, играя своимъ посо-

хомъ, цѣлкою, на которой онъ отмѣчаетъ дни своей службы. Конецъ ея чертитъ образы, которые онъ видитъ передъ собою, — змѣй, верблюдовъ и чаще всего овецъ; первыя попадаютъ рѣдко, въ преобладающемъ же количествѣ на скалахъ Мангышлака изображены овцы, цѣликомъ въ реальной копіи или же, вмѣсто животнаго, какъ *pars pro toto*, его главный признакъ — рога. Въ этомъ сокращеніи изображеніе животнаго становится орнаментомъ, рогъ становится лейтмотивомъ киргизской орнаментики. Способствовали ли его дальнѣйшему распространенію на ряду съ художественными цѣлями также и религіозные моменты, какъ, быть можетъ, роль рога въ качествѣ амулета, здѣсь не мѣсто рѣшать; я думаю что дальнѣйшія изслѣдованія будутъ нѣсколько содѣйствовать рѣшенію этого вопроса, и мнѣ кажется, что мнѣ удалось найти указаніе въ этомъ смыслѣ относительно стараго Китая.

Отъ бѣглыхъ досужихъ рисунковъ на пескѣ и скалахъ рогъ получаетъ уже сознательное и прочное мѣсто въ украшеніи домашней утвари, сначала, хотя и рѣдко, какъ пластичное украшеніе, какъ, напр., на изображенномъ на рис. 12 четырехугольномъ ящикѣ, на верхнихъ углахъ котораго рога вѣнчаютъ собою переднюю и заднюю стѣнки, или на серебряныхъ украшенияхъ сеукеле, головного убора невѣсты, изображеннаго на рис. 17; однако, оба эти образца остались единственными экземплярами, которые мнѣ пришлось встрѣтить. Настоящею областью его распространенія и основаніемъ къ дальнѣйшему развитію его формъ является плоскій орнаментъ.

Рис. 28.

Дощечка киргизскаго ткацкаго станка.

Простой его силуэтъ мы видимъ на рис. 28, представляющей рѣзную деревянную дощечку описаннаго уже нами ткацкаго аппарата, состоящаго изъ четырехъ такихъ

дощечекъ и служащаго для изготовленія узкихъ лентъ. Слѣдующимъ шагомъ развитія этого орнамента является рядъ связанныхъ между собою роговъ, получающійся при вырѣзываніи орнамента на кругѣ или кольцѣ. Такой случай представляется, напр., въ конической формѣ пряслицы; быть можетъ, именно этотъ наиболѣе распространенный и самый характерный предметъ киргизскаго домашняго обихода и далъ толчекъ къ развитію орнаментной линіи.

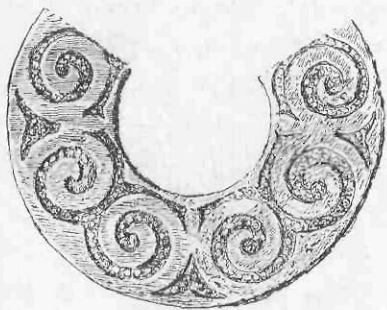

Рис. 29. Развернутый орнаментъ киргизской пряслицы.

На рис. 29 изображенъ развернутый узоръ деревянной пряслицы, состоящей изъ трехъ расположенныхъ въ рядъ роговъ. Удлиненіемъ этихъ роговъ отъ основанія по спирали внизъ и соединеніемъ продолженій каждой двухъ сосѣднихъ роговъ получается непрерывная орнаментная кайма.

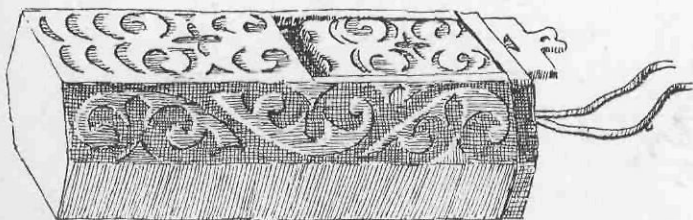

Рис. 30. Киргизскій ящикъ съ выдвжной крышкой.

Рога могутъ располагаться не только въ рядъ, но и другъ надъ другомъ, какъ мы это видимъ на верхней сторонѣ и на выдвжной крышкѣ стариннаго ящичка для инструментовъ на рис. 30. Мы имѣемъ также примѣры, гдѣ рога изображены повернутыми другъ отъ друга, такъ что они касаются своими основаніями, какъ это видно на верхнемъ косякѣ

двери на рис. 31. На мѣстѣ прикосновенія получается ромбической формы поле; по сторонамъ отъ этой фигуры оно

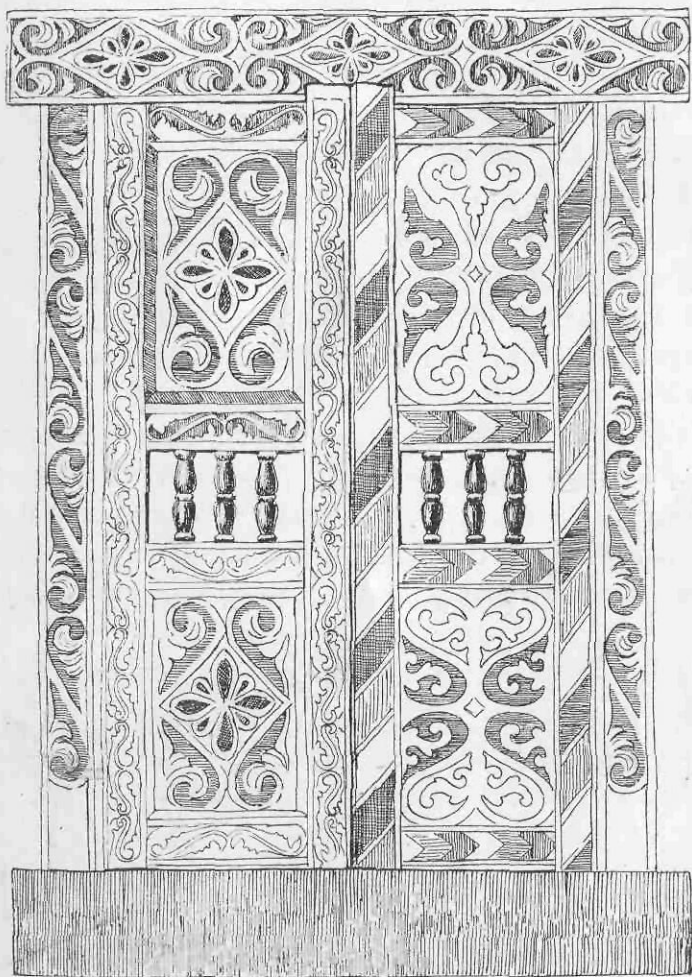

Рис. 31. Киргизская рѣзная дверь, сдѣланная въ Уральскѣ въ 1850 г.

вырастаетъ въ самостоятельный мотивъ, такъ что выгладить, какъ будто на боковыя вершины ромба насажены простые рога, тогда какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь имѣется лежащій

двойной рогъ съ растянутой серединой. Мы впоследствии встрѣтимъ этотъ мотивъ еще въ другомъ мѣстѣ.

Филенки этой двери, которая изображена здѣсь такъ, что лѣвая створка представляетъ — наружную — рѣзную сторону, правая — внутреннюю — раскрашенную, показываютъ намъ двойные рога въ нѣсколькихъ вариантахъ. Налѣво мы ихъ видимъ въ вертикальномъ положеніи и растянутыми въ серединѣ большимъ ромбическимъ полемъ, какъ на верхнемъ косякѣ; на право они расположены горизонтально и прилегаютъ прямо другъ къ другу. Кромѣ того изъ середины вырастаютъ наверхъ и внизъ еще завитки, которые также развились изъ рога или двойного рога, такъ что получается какъ бы четыре крестообразно расположенныхъ рога. На нижней вставкѣ завитки множатся, затемняютъ чистую дуговую линію разными непонятными изгибами, отягощаютъ ее всевозможными короткими уродливыми придатками, и лишь при ближайшемъ изученіи и выдѣленіи запутывающихся деталей можно узнать старый мотивъ роговъ.

Тоже самое мы видимъ и на рис. 32, на узорѣ, взятомъ съ табакерки. Здѣсь также мотивъ затемненъ, а именно двумя скрещивающимися въ видѣ восьмерки линіями, начинающимися на концахъ роговъ. Только при сравненіи съ маленькими фигурами, изолированно размѣщенными между восьмерками и ясно представляющими

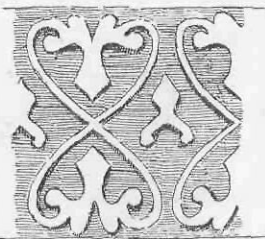

Рис. 32. Рѣзной орнаментъ на табакеркѣ.

рога и лобную часть черепа, становится возможнымъ опредѣлить и для остальныхъ элементовъ этого орнамента ихъ настоящій характеръ.

Все возрастающее примѣненіе этого мотива на орнаментахъ и его модификація, благодаря капризу художе-

ственной фантазии и необходимости приспособляться къ мѣсту, ведутъ къ отдѣленію нѣкоторыхъ его частей, которыми затѣмъ свободные промежутки заполняются уже какъ самостоятельнымъ орнаментомъ; ихъ изгибы, крючки и зубцы становятся понятными лишь въ связи съ первоначальными полными фигурами, какъ, напр., на боковыхъ косякахъ двери на рис. 31 и на пряслицѣ на рис. 33. Дальнѣйшее

Рис. 33.

Киргизская пряслица.

развитіе этого орнамента ведетъ къ перемѣщенію отдѣльныхъ его частей въ предѣлахъ того же мотива, а вмѣстѣ съ этимъ къ разнообразнымъ варіаціямъ, которыя получаютъ свой смыслъ также лишь при сравненіи ихъ съ чистыми ранними формами. Хорошимъ примѣромъ этого служить дверь одной туркменской кибитки, которую я видѣлъ между Алек-

сандровскимъ фортомъ и Киндерли и которую я сфотографировалъ (таб. 29). Створки двери представляютъ четыре равныхъ поля, покрытыхъ рѣзью въ рассматриваемомъ нами стилѣ. Самое верхнее поле заключаетъ двѣ одинаковыя фигуры съ четвернымъ — поставленнымъ вкось — рогомъ. Второе поле заключаетъ тѣ же двѣ фигуры, но рога перевернуты, вслѣдствіе чего четыре внутреннихъ рога такъ приближаются другъ къ другу, что кажется, что между фигурами всунуто еще особое центральное поле; четыре нижнихъ рога соединены въ новую группу по два рога, которые несутъ уже въ себѣ зачатки распадения частей, изолируемыхъ впоследствии въ самостоятельное украшеніе. На третьемъ полѣ мы видимъ этотъ процессъ уже завершившимся, середина занята двумя расположенными горизонтально двойными рогами; вокругъ расположены части аналогично задуманныхъ, но отрѣзанныхъ рамою фигуръ, представляющія какъ бы самостоятельные элементы.

Очень интересное дальнѣйшее развитіе рогового мотива показываетъ рис. 34, верхній косякъ двери одной кибитки въ Тургайской степи, который я приобрѣлъ въ Казанскѣ. На мѣстѣ мнѣ не могли истолковать рѣзьбу, но, мнѣ кажется, это можно сдѣлать, не боясь возраженій, на основаніи разобранныго уже нами матеріала, а именно, если поставить рядомъ верхній косякъ двери рис. 31. Оба ромба соотвѣтствуютъ тремъ ромбамъ этого послѣдняго, къ ихъ боковымъ вершинамъ приставлено по парѣ роговъ, какъ и тамъ, съ тою только разницею, что, изъ за недостатка мѣста, они потеряли свою красивую округлую дугообразную форму и получили круглый изгибъ. О своеобразной формѣ

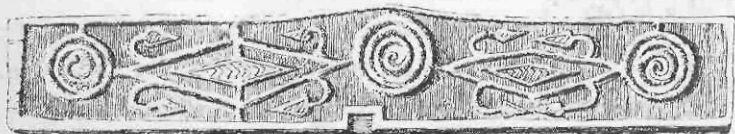

Рис. 34. Верхній косякъ двери.

концовъ этихъ роговъ я сейчасъ буду говорить. Сбоку и между обоими ромбами имѣются три спирали, которыя, по моему мнѣнію, представляютъ не что иное, какъ плоды игривой фантазіи при копированіи завитка роговъ *).

Чтобы объяснить упомянутые своеобразно заостренные концы роговъ, укажу на то, что въ киргизской орнаментикѣ выступаетъ отдѣльнымъ мотивомъ *стрѣла; лежитъ ли тутъ въ основаніи суевѣрное представленіе, какъ рассказанное на стр. 138 или это пережитокъ изъ болѣе воинственныхъ временъ, остается нерѣшеннымъ. На рис. 6 была изображена старинная деревянная булава, которая въ мое время служила молоткомъ для сахара; на ней

*) Спиральи эти представляютъ, несомнѣнно, изображеніе солнца, — очень распространенный въ Средней Азіи мотивъ. *Пер.*

были набиты тонкія костяныя пластинки, изъ которыхъ вырѣзаны фигурки стрѣлъ. Эти стрѣловидныя мѣста те-

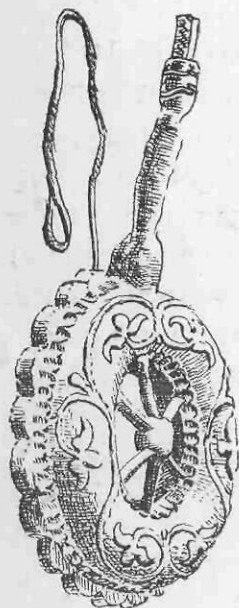

Рис. 35. Киргизская
пороховница.

перь всѣ незаполнены, такъ что въ ихъ глубинѣ видно дерево булавы; надо полагать, что прежде они были заполнены мѣдью, такъ какъ кромѣ нихъ мы видимъ другія украшенія изъ того же матеріала: пуговицы, продолговатыя палочки, которыя точно также вставлены въ кость, въ соотвѣтствующіе вырѣзы и др.; съ теченіемъ времени заполнения эти выпадали. Я считаю возможнымъ, что острые концы роговъ на рис. 34 имѣли образцомъ наконечники стрѣлъ, и что здѣсь мы имѣемъ передъ собою сплетеніе двухъ мотивовъ *).

Мотивъ рога, выработанный въ техникѣ рѣзбы, переходитъ въ орнаментику другихъ производствъ.

Передъ нами на рис. 37 вязаная сумка съ узоромъ изъ красныхъ нитокъ, на которомъ можно различить какъ

Рис. 36. Боковой косякъ двери. (Принадл. къ рис. 34).

простыя, такъ и полученныя противопоставленіемъ двухъ паръ двойные рога. Характеръ техники обуславливаетъ

*) Къ верхнему косяку дверей принадлежатъ еще боковые косяки (рис. 36), которые рядомъ съ непонятною мнѣ рѣзбою покрыты еще своеобразными цвѣтными крапинами, напоминающими подобнымъ же образомъ окрашенные черепа, изображенныя на рис. 20 и, служащія предметомъ колдовства при болѣзняхъ. Возможно, что мы и въ случаѣ съ дверями имѣемъ дѣло съ магическимъ значеніемъ этихъ крапинъ, съ колдовствомъ, которое должно защищать кибитку отъ дурного глаза и т. д.

собою извѣстную неуклюжесть и угловатость дуговой линіи рога. Тоже самое происходитъ и на циновкахъ, изображенныхъ на рис. 38 и 39, на которыхъ узоръ получается оплетеніемъ отдѣльныхъ стеблей цвѣтною шерстью. Первая изъ нихъ служитъ для покрытія снаружи стѣнъ кибитки, вторая полкой, которая подвѣшивается шнурами къ рѣшеткѣ кибитки. Здѣсь также сама техника работы обуславливаетъ отклоненіе отъ дуговой линіи, — она здѣсь изломанная; округленіе рога достигается приставкой другъ къ другу многихъ прямыхъ линій; картина получается такая же, какъ на вышивкахъ по канвѣ.

Я считаю возможнымъ, что техника изготовленія этихъ циновокъ, распространенныхъ по всему Мангышлаку, привела къ узору съ угловатыми крючками на коврахъ номадовъ; происхождение этого узора я веду, вмѣстѣ съ Almàsy, отъ мотива рога или, какъ онъ говоритъ, спирали. Въ строгомъ смыслѣ, и въ ковровой техникѣ дуговая линія становится изломанной; но нитки, благодаря мягкому, податливому матеріалу, прилегаютъ здѣсь такъ плотно другъ къ другу, что, конечно, полное закругленіе здѣсь легко достижимо. Въ циновкахъ при твердости матеріала и при отстояніи другъ отъ друга стеблей достигнуть этого закругленія невозможно, — каждая дуга выходитъ неизбежно угловатой.

Въ общемъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ нельзя не узнать дуговой линіи, и наряду съ этимъ мы видимъ обѣ половины роговъ уже какъ самостоятельные элементы орнамента. Это произошло такимъ образомъ, что сначала рисо-

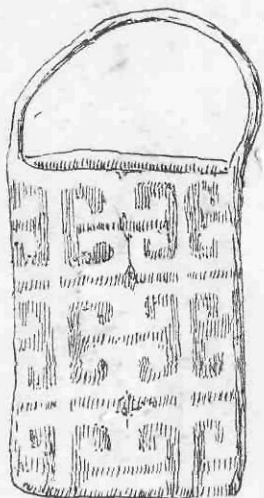

Рис. 37. Вязаная сумка.

вали извѣстные уже намъ ромбы съ рогами на вершинахъ,

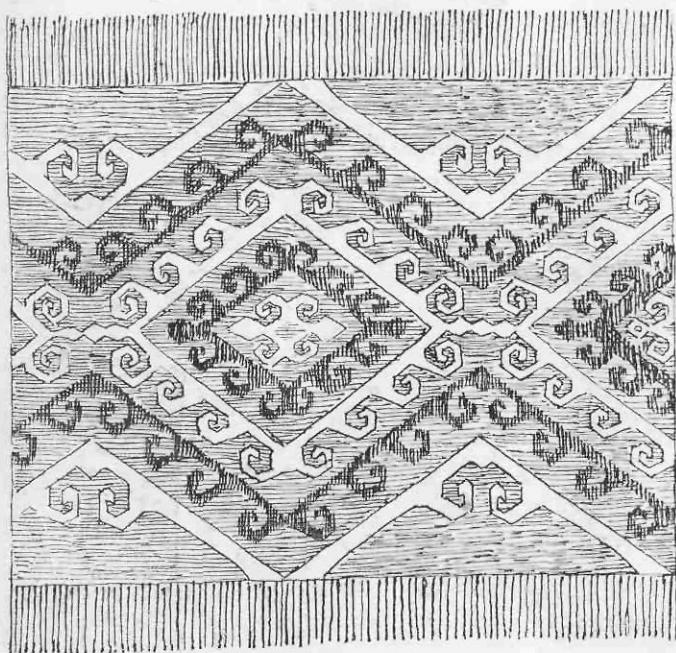

Рис. 38. Часть циновки со стѣны кибитки,

а затѣмъ (см. рис. 38) украшали ихъ края простымъ повто-

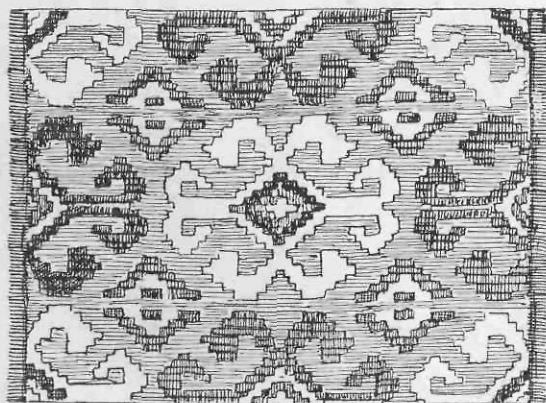

Рис. 39. Стѣнная полка изъ циновки изъ оплетенныхъ шерстью стеблей камыша.

рениемъ соотвѣтствующей, обращенной въ эту сторону, дуги рога. Столь знакомые намъ по переднеазиатскимъ коврамъ ряды параллельныхъ крючковъ вытекаютъ изъ такого развитія орнамента,

при чемъ совершенно не важно, будутъ ли изъ за техниче-

скихъ условій, о которыхъ мы говорили, эти крючки изогнуты или угловаты. Обусловленные законами одной тех-

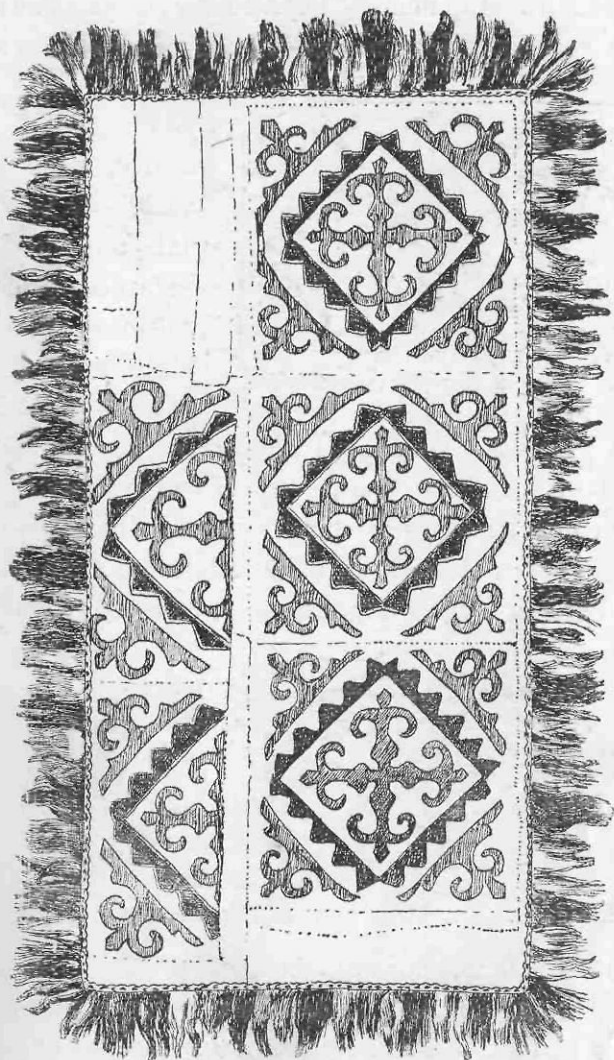

Рис. 40. Кошма съ нашивнымъ узоромъ.

ники, они переносятся на другія производства, техникъ которыхъ не присуще вліяніе на ихъ форму, и мы видимъ

туть рядомъ, безъ всякаго выбора, и тотъ, и другой родъ крючковъ.

Въ самомъ старинномъ киргизскомъ войлочномъ производствѣ господствуетъ первоначальная дуговая линия рога.

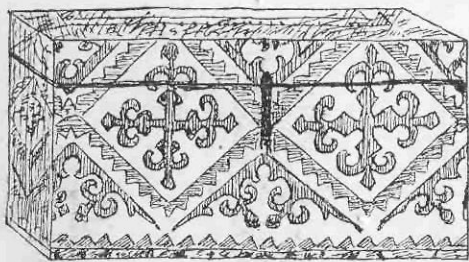

Рис. 41. Сундукъ съ войлочной обивкой.

Рис. 40 и 41, кошма и обивка сундука, показываютъ образцы послѣдняго рода; на орнаментѣ мы видимъ знакомые намъ варианты простыхъ и четверныхъ роговъ, равно и отдѣлившіяся отъ нихъ детали въ видѣ отдѣльно стоящихъ крючковъ. Рис. 42 даетъ образецъ вваляннаго узора; это не-

Узоръ, какъ мы уже упоминали, вырѣзывается, либо изъ войлока, въ какомъ случаѣ онъ долженъ увалиться въ остальной войлокъ, либо изъ матеріи, и въ этомъ случаѣ узоръ нашивается.

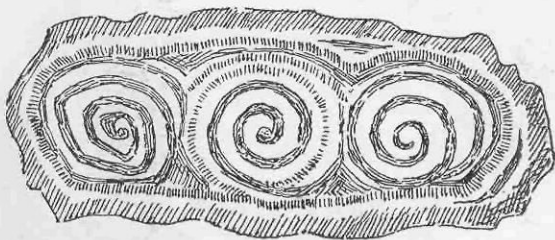

Рис. 42. Войлочный коврикъ съ вваляннымъ узоромъ.

большой коврикъ, который кладется вмѣсто скатерти на полъ кибитки, когда подаютъ чай или баранину. Мы видимъ на немъ три такія же спирали, какъ на верхнемъ косякѣ дверей на рис. 34, являющіяся, какъ мы признали, одной изъ ступеней развитія рогового мотива, какъ конечный продуктъ игриваго удлиненія дуговой линии рога.

Способъ аппликаціи (накладного узора) не ограничивается однимъ только войлочнымъ производствомъ, къ ней прибѣ-

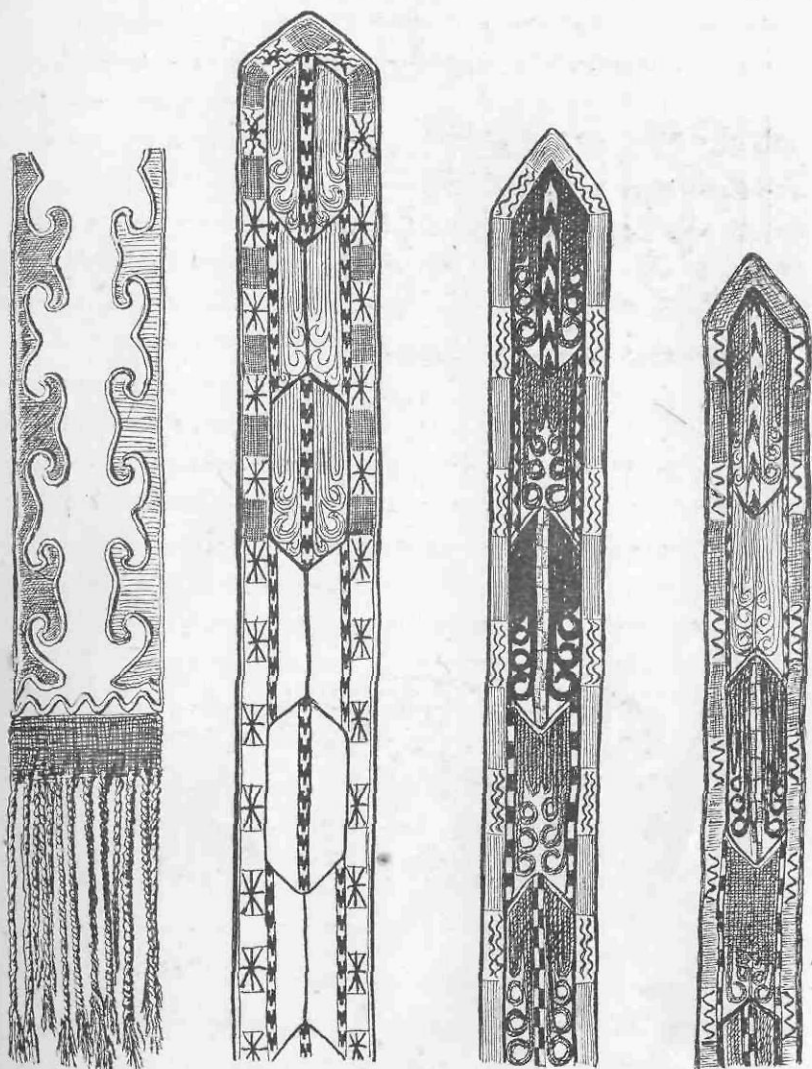

Рис. 43—46. Киргизскіе пояса.

гаютъ и для украшенія тканей. Рис. 43 представляетъ одинъ изъ поясовъ, которые протягиваются — узоромъ внутри —

по рѣшеткамъ кибитки и, туго натягиваясь, даютъ большую устойчивость легкой постройкѣ. Это тканый поясъ, съ на-

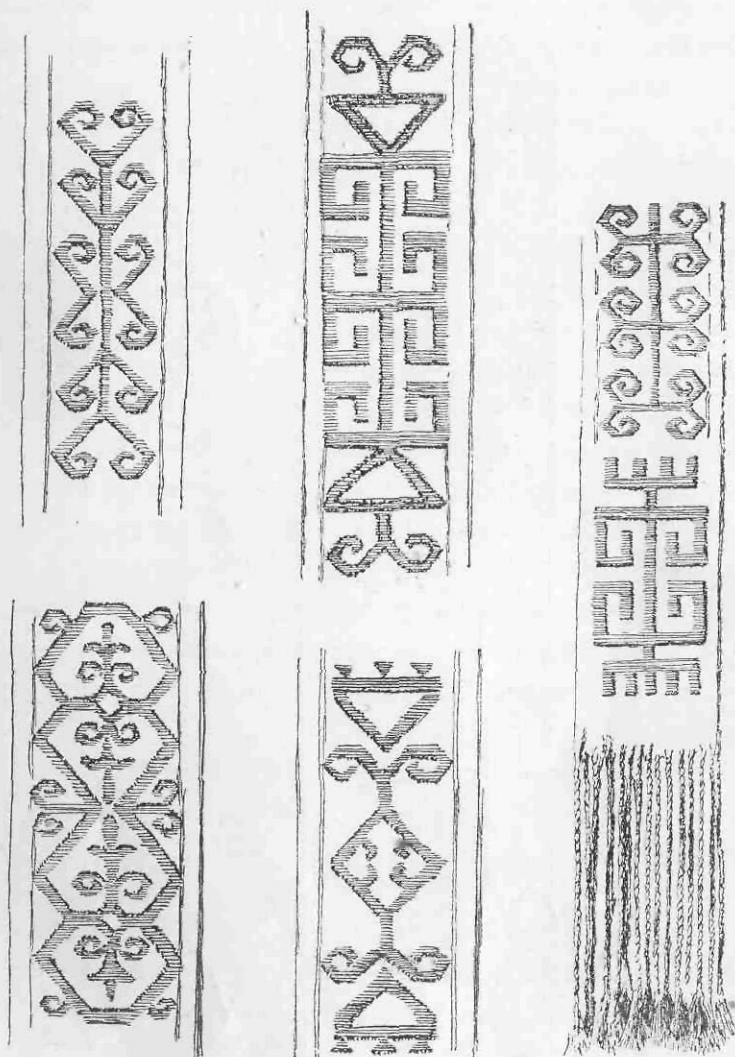

Рис. 47. Киргизскіе пояса.

шитой на него матеріей, которая вырѣзана цѣльной полосой, и представляетъ орнаментъ, совершенно ясно составленный

изъ роговъ, т. е. изъ фигуръ, представляющихъ двойные рога.

Рис. 47 представляетъ поясъ, котораго узоръ не нашить, а сотканъ. Онъ отличается своими многочисленными вариациями одного мотива; здѣсь на небольшомъ пространствѣ дается какъ бы перечень всѣхъ стадій развитія, которыя мы до сихъ поръ прослѣдили. Мы видимъ тутъ простые рога въ ихъ естественной округлости, противоположащія двойные рога и ромбъ съ двумя рогами на вершинахъ. Этотъ послѣдній является здѣсь въ новомъ измѣненіи: въ одномъ мѣстѣ онъ распадается на два треугольника, въ другомъ становится доминирующимъ мотивомъ и представляетъ непрерывную ленту ромбовъ, которые воскрешаютъ внутри своихъ контуровъ рога, сдѣлавшіеся излишними снаружи; здѣсь зачатки первыхъ отступленій отъ чистой дуговой линіи и перехода къ ломанной, ведущихъ въ крайнихъ своихъ формахъ къ прямолинейному зигзагу, сходному съ меандромъ; наконецъ, не отсутствуютъ также и отдѣльныя части, отрѣзанныя отъ цѣлаго и превратившіяся въ ничего не значущія фигуры, потерявшія всякую органическую съ ними связь.

Въ противоположность войлочному производству, техника котораго безспорно является изобрѣтеніемъ номадовъ, вышивку я считаю городскаго, туркестанскаго, и прежде всего—староперсидскаго происхожденія. Къ ея узорамъ, первоначально персидскимъ, заимствованнымъ изъ растительнаго царства, у номадовъ примѣшиваются, со времени заимствованія этой техники, ихъ собственные, разившіеся изъ рога, мотивы. Изображенная на рис. 48 попона въ своей верхней части имѣетъ три поля, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ двухъ concentрическихъ круговъ. Линіи круговъ расширены въ узкія полосы, орнаментъ которыхъ напоминаетъ упомянутыя

раньше стрѣлы. Большой кругъ заполненъ шестью цѣликомъ вышитыми фигурами роговъ, малый кругъ — четырьмя фигурами;

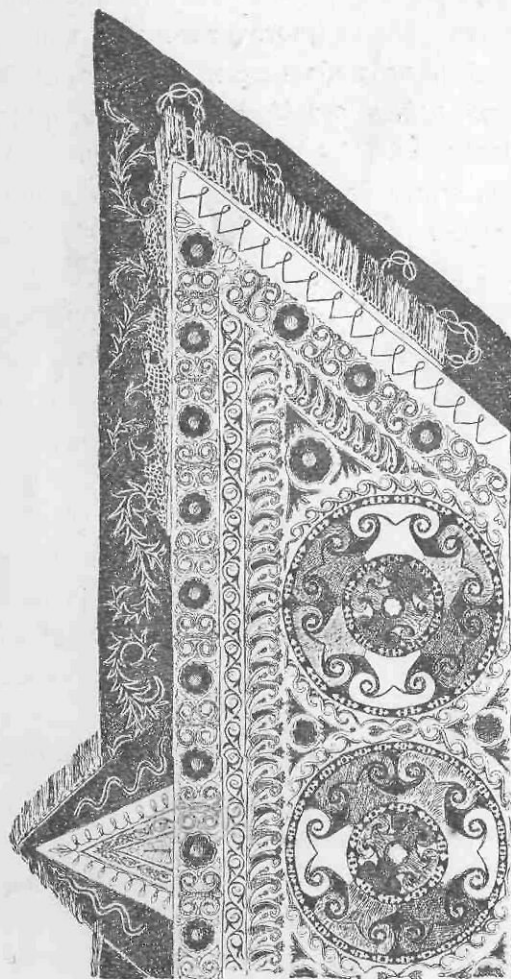

Рис. 48. Киргизская попона.

раньше стрѣлы. Большой кругъ заполненъ шестью цѣликомъ вышитыми фигурами роговъ, малый кругъ — четырьмя фигурами; цвѣта въ большомъ кругѣ желтые и синіе, въ маломъ темно — и свѣтло синіе; контуры вышиты яркимъ, краснымъ цвѣтомъ, такъ что промежутки между рогами рѣзко очерчены и пластически выдѣляются, какъ негативное изображеніе роговъ, такъ что получается перевитой, почти сбивчивый хороводъ, великолѣпіе красокъ котораго производитъ поразительное и при всемъ этомъ удивительно мягкое впечатлѣніе. Попона окаймлена двумя бордюрами, идущими параллельно ея краямъ и вдающимися острымъ угломъ въ ея нижній

конецъ. Въ наружномъ бордюрѣ персидскія розетки чередуются съ двойными рогами, которые намъ уже такъ часто попадались; внутренній бордюръ состоитъ изъ крючкообраз-

Туркменский надгробный камень.

Туркменское кладбище.

Туркменскія могилы.

ныхъ элементовъ, которые могли произойти изъ перерѣзанныхъ пополамъ простыхъ роговъ. Окаймляющая большіе круги полоса, вѣроятно, того же происхожденія.

Рис. 49 представляетъ намъ другую попону. Въ ней преобладаютъ растительные элементы персидской орнаментики, но въ болѣе узкомъ, внутреннемъ изъ обоихъ параллельныхъ, краю остроугольныхъ бордюровъ удержались еще полурога— и въ связной линіи образуютъ кайму изъ крючковъ.

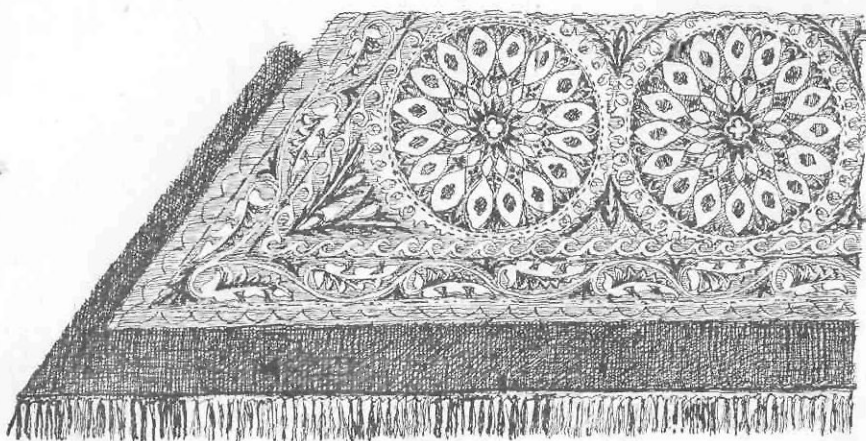

Рис. 49. Киргизская попона.

Одинокое явленіе представляютъ рога на головномъ платкѣ, изображенномъ на рис. 50, гдѣ, несмотря на ихъ отдѣленіе отъ своего основанія, они производятъ реальное впечатлѣніе. Въ орнаментальной стилизаціи и группировкѣ рога владѣютъ линіями великолѣпныхъ вышивокъ на поясахъ кибитокъ на рис. 44—46. На высотѣ прежней мощи и значенія мы видимъ ихъ на каймѣ туркменскаго халата на рис. 51; здѣсь они достигаютъ той сложной группировки и разно-сторонней варіаціи мотива, какая присуща техникѣ рѣзьбы и войлока, и даютъ новое доказательство связи между нашими узорами.

Вмѣстѣ съ вышивками и ковровое производство обязано своимъ происхожденіемъ городской культурѣ; оно незнакомо киргизамъ, но путемъ торговли продукты его проникаютъ въ кибитки номадовъ, гдѣ ихъ цѣнятъ, какъ украшеніе, и обращаются съ ними, какъ съ цѣннымъ предметомъ, почти, можно сказать, какъ съ деньгами.

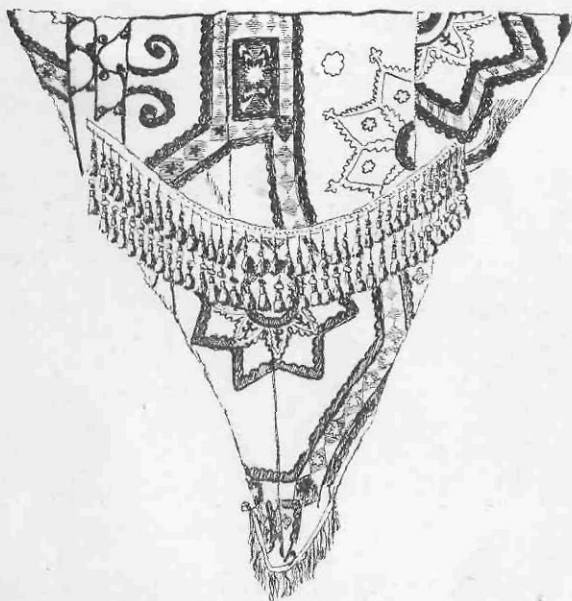

Рис. 50. Киргизскій головной платокъ.

Но хотя киргизы сами и не изготовляютъ ковровъ, они тѣмъ не менѣе оказали вліяніе на ихъ орнаментацию; какъ переѣшивались оба стили на вышитыхъ попонахъ, о которыхъ была рѣчь, такъ мы находимъ снова—повидимому подъ тюркскимъ вліяніемъ — на туркменскихъ и другихъ, такъ называемыхъ, коврахъ номадовъ, а дальше и на кавказскихъ и переднеазиатскихъ коврахъ мотивъ роговъ въ чистомъ видѣ или во всевозможныхъ измѣненіяхъ. Чѣмъ больше

обращать на это вниманія, тѣмъ чаще его находишь и тѣмъ рѣже встрѣтится коверъ этихъ странъ, на которомъ бы его не было.

До сихъ поръ я говорилъ объ орнаментировкѣ, лишь поскольку она находитъ примѣненіе въ домашнихъ издѣліяхъ и въ прикладномъ искусствѣ; и мы видимъ въ дѣйствительности, какъ я уже вначалѣ упомянулъ, что этимъ и ограничивается ея область. Я знаю только одинъ случай, когда объ орнаментировкѣ, можно, пожалуй, говорить, какъ о свободномъ искусствѣ, — я имѣю въ виду живопись на стѣнахъ

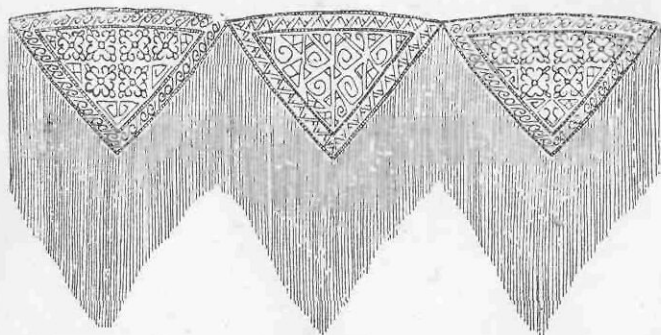
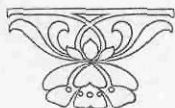

Рис. 51. Кайма туркменскаго халата.

мавзолеевъ. И здѣсь доминируетъ нашъ мотивъ, какъ мы видимъ изъ таб. 29.

Я считаю важнымъ и въ тоже время многообѣщающимъ изученіе этого мотива на болѣе обширномъ матеріалѣ, который прежде всего долженъ обнять всѣ имѣющіяся на лицо киргизскія коллекціи, а затѣмъ распространиться и на другія тюркскія народности монголовъ, сѣверныхъ азіатовъ и родственныя имъ племена. Я вынужденъ былъ ограничиться собственнымъ матеріаломъ, въ его главныхъ чертахъ, такъ какъ большія русскія собранія, которыя должны явиться въ этомъ вопросѣ рѣшающими, въ настоящее время недоступны;

но я надѣюсь, что черезъ нѣсколько лѣтъ найду возможность расширить сравнительное изученіе этого вопроса. Будущее покажетъ, должно ли опредѣленіе „киргизская линія“ обобщиться въ „тюркскую линію“, и не является ли эта линія на самомъ дѣлѣ кореннымъ азіатскимъ мотивомъ въ смыслѣ *Almasy*. Далѣе я надѣюсь, что приведенный здѣсь матеріаль уже теперь на столько возбудитъ интересъ, что вызоветъ и съ другихъ сторонъ изслѣдованія въ указанномъ направленіи, и я былъ бы счастливъ, если бы исполнились мои надежды на успѣхъ данного мною толчка.

Киргизские мавзолеи.

ГЛАВА IX.

Тысяча и одна ночь.

Кому приходилось видѣть въ арабской кофейнѣ разсказчика сказокъ и наблюдать за его слушателями, тотъ знаетъ, какая тѣсная связь устанавливается между ними, и понимаетъ все значеніе изустныхъ преданій для народовъ, лишенныхъ газеты, всю цѣнность сказокъ для жителя восточныхъ странъ. Киргизы въ этомъ отношеніи настоящіе сыны Востока. Правда, у нихъ нѣтъ публичныхъ кофеенъ, въ которыхъ въ пріятномъ ничегоне-дѣланіи крадутся у жизни цѣлые часы, но и за очагомъ кибитки собирается весь аулъ послушать странствующаго пѣвца, который умѣетъ наполнять душу родными исторіями и чужими сказками. Мой проводникъ Уразъ былъ полонъ такихъ исторій и забавныхъ разсказовъ, въ долгіе переѣзды по уединенной степи верхомъ онъ помогаль намъ коротать время и никогда не уставаль плести нить мельчайшихъ подробностей и въ пластичной наглядности вести своихъ героевъ черезъ цѣлый міръ чудесъ и духовъ. Его репертуаръ состояль изъ басенъ, гдѣ фигурировали животныя, небольшихъ забавныхъ повѣстей, геройскихъ пѣсенъ Махдункули,

разказовъ Насръ-эддина и сказокъ, явно заимствованныхъ изъ „Тысячи и одной ночи“.

Привожу одну изъ басенъ, какъ образецъ.

Исторія о глупомъ волкѣ.

Одинъ голодный волкъ отправился поискать себѣ чего-нибудь на жаркое. Тутъ ему повстрѣчалась коза. Волкъ ей говоритъ: „Иди-ка сюда, я долженъ тебя съѣсть“. А коза ему отвѣчаетъ: „Если ужъ этому не миновать, то нечего дѣлать, но видишь, какая я худая, во мнѣ немного толку, а вотъ я побѣгу домой и принесу своего ягненка, тогда ужъ тебѣ, по крайней мѣрѣ, будетъ чѣмъ полакомиться“. Волкъ согласился, а коза убѣжала, — только ее волкъ и видѣлъ.

Волкъ, прождавъ ее напрасно, наконецъ, отправился дальше, чтобы поискать опять чего-нибудь поѣсть. Ему на встрѣчу идетъ овца. „Овца, я долженъ тебя съѣсть“. Овца отвѣчаетъ: „Развѣ ты не можешь взять кого-нибудь другого? вѣдь я лучшей танцоръ, и было бы очень жаль, если бы я погибла“ — „А ты умѣешь танцевать?“ спрашиваетъ волкъ. „Какже, я тебѣ это сейчасъ покажу“. Овца стала танцевать, и, танцуя, дѣлать все большіе круги, пока не убѣжала. Тогда волкъ разсердился и пошелъ дальше. Тутъ ему попадается лошадь. „Лошадь, я долженъ тебя съѣсть“, сказалъ онъ. А лошадь отвѣчаетъ: „А ты развѣ знаешь, можешь ли меня съѣсть?“ — „Какъ такъ? спрашиваетъ волкъ“. А лошадь въ отвѣтъ: „Тамъ, подъ моимъ хвостомъ есть записка, на ней написано, можешь ли ты меня съѣсть или нѣтъ“. Волкъ заглянулъ подъ хвостъ, а лошадь такъ лягнула его по головѣ, что онъ съ воемъ пустился бѣжать прочь.

Примѣромъ маленькихъ веселыхъ разказовъ можетъ служить слѣдующая

Исторія объ обманщикѣ и богатомъ человѣкѣ.

Одинъ богатый человѣкъ услышалъ объ обманщикѣ, который умѣлъ перехитрить весь свѣтъ, и сказалъ: „Я лучше отправлюсь самъ и посмотрю, какъ онъ это дѣлаеть, меня то ужъ онъ, навѣрное, не проведетъ“. Сѣлъ на лошадь и отправился въ путь. Онъ засталъ обманщика у колодца, гдѣ тотъ стерегъ овецъ.

„Это ты тотъ человѣкъ, который обманываетъ весь свѣтъ?“

„Это я“.

„А какъ же это ты, собственно, дѣлаешь?“

„Это я тебѣ охотно покажу, только не теперь“.

„А почему же не теперь?“

„Для обмана мнѣ необходима моя палка, а она осталась дома“.

„Ну, такъ бѣги и принеси ее“.

„Но вѣдь я долженъ стеречь своихъ овецъ и не могу ихъ бросить“.

„Ну, я тѣмъ временемъ постерегу ихъ; возьми мою лошадь, отправляйся домой и скорѣе возвращайся съ палкой“.

„Охотно“, сказалъ обманщикъ, взялъ лошадь и уѣхалъ, а человѣкъ остался у колодца стеречь овецъ. Но ни коня, ни сѣдока ему ужъ больше не пришлось увидѣть.

Насръ-эддинъ Ходжа, шутки, анекдоты и веселые рассказы котораго изъ Индіи и Персіи перешли черезъ арабовъ къ туркамъ и берберамъ, а затѣмъ дальше въ Европу, хорошо знакомъ также и нашимъ киргизамъ на Мангышлакѣ. Привожу здѣсь лишь три образца:

Однажды Насръ-эддинъ сказалъ своей женѣ: „Дорогая жена, мы бѣдны, и намъ плохо живется. Хорошо было бы, если бы Богу вздумалось подарить намъ 100 рублей. Но

это должно быть какъ разъ 100 рублей; если онъ дастъ меньше, я ихъ не приму“. Это услыхалъ богатый еврей; онъ вздумалъ испытать Насръ-эддина и подкинулъ ему подъ ноги кошелекъ съ 99 рублями. Насръ-эддинъ поднялъ деньги и позвалъ свою жену: „жена, жена, Богъ услышалъ меня, и послалъ намъ деньги“, и онъ спряталъ къ себѣ кошелекъ. Еврей, само собою, былъ увѣренъ, что Насръ-эддинъ не оставитъ у себя денегъ, т. к. въ кошелекъ было только 99 рублей, и пожаловался на него хану. Послѣдній призвалъ къ себѣ Насръ-эддина и спросилъ его: „Получилъ ты отъ этого еврея деньги?“ — „Нѣтъ, я просилъ Бога, чтобы онъ мнѣ подарилъ сто рублей, и онъ мнѣ ихъ подарилъ“. Тогда еврей воскликнулъ: „Да вѣдь тамъ было только 99 рублей, а ты сказалъ, что оставишь у себя деньги только въ томъ случаѣ, если получишь ровно 100 рублей! „Это правда, отвѣтилъ Насръ-эддинъ, но вѣдь это и было 100 рублей, одинъ рубль Богъ оставилъ себѣ за кошелекъ“.

Этотъ же разсказъ встрѣчается въ нѣсколько измѣненной формѣ въ собраніи А. Mouliéras „Les fourberies de Si Djeh'a“*), который основывается на турецкихъ, арабскихъ и берберійскихъ источникахъ и приводитъ также европейскія аналогіи. Два другихъ анекдота, изъ того же собранія**), я услыхалъ здѣсь въ слѣдующей версіи:

Нѣсколько молодыхъ людей по дорогѣ въ баню встрѣтили Насръ-эддина. Они рѣшили посмѣяться надъ нимъ и пригласили его пойти съ ними. Въ банѣ они сговорились, чтобы каждый изъ нихъ положилъ яйцо, а кто не сможетъ этого сдѣлать, долженъ заплатить другимъ. Но у каждаго изъ нихъ было по яйцу, которое они приготовили для мытья головы, и Насръ-эддинъ долженъ былъ проиграть.

*) Paris 1892, стр. 31 и 93.

**) Стр. 52 и 87.

Туркменская кибитка.

Туркменская гробница.

Насръ-эддинъ согласился на условіе. Молодые люди поднимались одинъ за другимъ съ мѣста, кудахтали по куриному, и затѣмъ изъ подъ платья вытаскивали яйцо. Когда очередь дошла до Насръ-эдина, онъ всталъ, закричалъ, какъ пѣтухъ, и воскликнулъ: „Я пѣтухъ, и мнѣ не нужно класть яйца!“ — Въ другой разъ его встрѣтило нѣсколько молодыхъ людей сидящимъ подъ фиговымъ деревомъ; имъ вздумалось его подразнить, и они попросили его снять съ дерева нѣсколько фигъ. Они думали при этомъ, что онъ сниметъ свои башмаки, а они ихъ унесутъ, пока онъ будетъ наверху. Насръ-эддинъ согласился, снялъ башмаки, положилъ ихъ себѣ подъ мышку и полѣзъ на дерево. „Зачѣмъ ты берешь съ собою башмаки?“, спросили молодые люди, „оставь же ихъ внизу!“ — „я, можетъ быть, найду наверху дорогу, и мнѣ не придется опять слѣзать внизъ“, отвѣтилъ Насръ-эддинъ.

Сказки, которыя мнѣ рассказывалъ мой проводникъ, имѣли въ большинствѣ случаевъ фабулы, знакомыя намъ изъ „Тысячи и одной ночи“; правда, здѣсь эти фабулы были перепутаны и вставлены въ другія рамки, но сходства со своими образами онѣ, тѣмъ не менѣе, не потеряли. Уже вступительный рассказъ, который, какъ бы въ видѣ предисловія, устанавливаетъ внѣшнюю связь между рассказами, имѣется также и здѣсь: и тутъ, и тамъ ханъ поймалъ свою жену на томъ, что она ему измѣняетъ, а затѣмъ убѣждается на опытѣ, что всѣ женщины въ этомъ отношеніи одинаковы. Обѣ версіи отличаются всевозможными вариантами и особенно интересенъ конецъ, который отражаетъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, переходы отъ старыхъ кровавыхъ, деспотическихъ временъ къ болѣе мягкимъ, снисходительнымъ новымъ временамъ:

Нѣкогда жилъ ханъ, который очень гордился своею красотою и считалъ себя самымъ красивымъ человѣкомъ въ государствѣ. Однажды ему рассказали, что въ сосѣдномъ

городъ живетъ человѣкъ, утверждающій, что онъ красивѣе хана. Ханъ приказалъ привести къ нему тотчасъ же этого человѣка. Посланные люди явились къ нему позднимъ вечеромъ, передали ему приказаніе хана и сказали, чтобы онъ немедленно собрался въ путь. Человѣкъ нѣжно простился со своей молодой женой и отправился къ хану. Черезъ нѣкоторое время онъ спохватился, что впопыхахъ забылъ что-то дома и возвратился. Когда онъ очутился снова передъ своимъ домомъ, онъ увидѣлъ тамъ свѣтъ; удивленный этимъ обстоятельствомъ, онъ заглянулъ черезъ щель въ ставняхъ въ комнату и увидѣлъ, какъ его жена, которую онъ только что оставилъ неутѣшной и въ слезахъ, обманываетъ его въ объятіяхъ другого мужчины. Внѣ себя отъ бѣшенства, онъ бросился бѣжать, приказаніе хана не терпѣло промедленія, и вотъ на утро онъ предсталъ предъ ханомъ съ блѣднымъ, какъ у мертвеца, искаженнымъ лицомъ. Ханъ накинулся на него: „Какъ, ты, такой уродъ, хочешь считаться красивѣе, чѣмъ я? Въ темницу тебя за твою дерзость!“, велѣлъ его запереть въ павильонѣ въ саду, а самъ, довольный собою и своею красотою, отправился на охоту. Бѣдный обманутый мужъ сидѣлъ между тѣмъ въ своей темницѣ, которая освѣщалась только маленькимъ рѣшетчатымъ окошечкомъ высоко въ стѣнѣ, и думалъ о своей горькой судьбѣ. Тутъ онъ услышалъ снаружи шумъ и голоса, вскарабкался къ окошечку и выглянулъ. Какъ разъ напротивъ былъ колодезь. И вотъ онъ увидѣлъ, какъ изъ колодца вылѣзъ уродливый, старый, изувѣченный человѣкъ, и какъ жена хана нѣжно обняла его и начала цѣловать. Вечеромъ ханъ возвратился съ охоты, вспомнилъ о бѣднягѣ, котораго онъ велѣлъ запереть, приказалъ привести его къ себѣ и сталъ его спрашивать, какъ это онъ вздумалъ считать себя самымъ красивымъ человѣкомъ въ государствѣ. Тогда тотъ отвѣ-

чалъ: „Вообще я красивѣе, но вчера мнѣ пришлось пережить столько ужаснаго, что я сразу сталъ такимъ некрасивымъ. Если бы и съ тобою случилось то же самое, то и ты сталъ бы выглядѣть точно такъ же, какъ и я, и потерялъ бы свою красоту“. — „Это невозможно“, сказалъ ханъ. „Даю тебѣ слово, что это такъ и будетъ“ возразилъ тотъ. „Какъ это случится? — „Объяви, что ты завтра рано утромъ отправишься на охоту и не вернешься раньше вечера. А затѣмъ, когда ты уже отъѣдешь немного, возвратись тайкомъ и приходи ко мнѣ въ мою темницу, я тебѣ тамъ покажу, на сколько я правъ!“ Ханъ согласился, велѣлъ приготовить все къ утру для охоты и на слѣдующій день отправился со своею свитою на охоту, а затѣмъ съ дороги возвратился одинъ и тайкомъ пробрался въ павильонъ. Прождавъ нѣкоторое время, онъ услыхалъ шумъ. Ханъ спросилъ своего узника, что это означаетъ. „Полѣзай самъ наверхъ и выгляни въ окно“, отвѣтилъ тотъ. Ханъ это сдѣлалъ и увидѣлъ, какъ его жена стояла на колѣняхъ у колодца, и какъ оттуда вылѣзъ уродливый старикъ, съ которымъ она стала обниматься. Блѣдный, какъ мертвецъ, и самъ не похожій на себя, ханъ спустился внизъ. „Вотъ видишь“, сказалъ другой, теперь ты точно такъ же выглядишь, какъ я, ты потерялъ тоже твою красоту, какъ и я, когда мнѣ пришлось пережить такую же исторію съ моею женой“. — „Прости меня, сказалъ ханъ, ты былъ правъ, мы оба уйдемъ отсюда, гдѣ женщины такія скверныя“. Оба отправились въ путь и пришли въ лѣсъ, а въ этомъ лѣсу было озеро. Тутъ они увидали на берегу огромную змѣю и отъ страха влѣзли на дерево. Но по ту сторону озера стояла дивной красоты женщина и приглашала ихъ сойти и провести съ нею время. Змѣя — говорила она — чародѣй, который держитъ ее въ плѣну, но теперь она спитъ и не будетъ мѣшать имъ. Но оба человѣка на

деревъ отъ страха не шевелились. „Если вы не спуститесь ко мнѣ, я разбужу чародѣя“, стала имъ грозить красавица; тогда они сошли съ дерева и пошли къ ней. Когда они рассказали, что съ ними случилось дома, она сказала имъ: „женщины повсюду невѣрны, вы нигдѣ не найдете лучшей, чѣмъ ваши жены, вернитесь, поэтому, домой“; и они послѣдовали ея совѣту.

Однажды жила вдова, которая имѣла сына. Она часто уговаривала его жениться, но онъ каждый разъ отвѣчалъ: „Мать моя, зачѣмъ я долженъ жениться, когда мнѣ и у тебя такъ хорошо“. Наконецъ, она сказала ему: „Хорошо, поступай, какъ знаешь; но когда ты самъ надумаешь жениться, то сообщи мнѣ объ этомъ, ты услышишь тогда одну исторію“.

Черезъ нѣкоторое время сынъ пришелъ къ ней и сказалъ: „Мать, я хотѣлъ бы теперь жениться, расскажи мнѣ свою исторію.—„Хорошо, отвѣтила та, я сама тебѣ эту исторію рассказать не могу, но слушай, иди въ городъ къ хану и проси его рассказать тебѣ исторію про Гуль и Саванаръ“. Сынъ отправился въ путь. Дорогою онъ усталъ и сѣлъ отдыхать на большой камень. При этомъ онъ нечаянно толкнулъ камень; подъ камнемъ онъ увидѣлъ глубокую яму, изъ которой вылѣзла большая змѣя, такая большая, какъ тѣ змѣи, что ѣдятъ людей.

„Я должна съѣсть тебя“, сказала змѣя.

„Зачѣмъ?“ спросилъ сынъ.

„Богъ приказалъ мнѣ сдѣлать это“.

„Въ такомъ случаѣ нечего дѣлать, но какъ мнѣ узнать, говоришь-ли ты правду?“

„Богъ посадилъ меня въ эту яму, положилъ сверху камень и сказалъ, что кто подыметъ этотъ камень, того я должна съѣсть“.

„Какъ, ты сидѣла въ этой маленькой ямѣ“?

„Ну, конечно“.

„Этому я не вѣрю“.

„Ты этому не вѣришь? Я тебѣ сейчасъ покажу“, и съ этими словами она влѣзла опять въ яму. Сынъ тогда быстро накрылъ яму камнемъ и ушелъ *). Немного спустя, онъ пришелъ въ городъ и отправился на базаръ, гдѣ въ это время было много народа, такъ какъ ханъ творилъ судъ. Ханъ замѣтилъ чужого, велѣлъ привести его къ себѣ и спросилъ, что ему нужно. „Я сюда явился, чтобы услышать отъ тебя исторію про Гуль и Саванаръ“. При этихъ словахъ ханъ поблѣднѣлъ и возразилъ: „Приходи потомъ въ мой дворецъ, тамъ я тебѣ ее расскажу“. Когда сынъ пришелъ во дворецъ, ханъ рассказалъ ему слѣдующее: „Я былъ женатъ и имѣлъ жену дивной красоты по имени Гуль **), которую я очень любилъ и съ которой былъ очень счастливъ. Въ одно прекрасное утро я, противъ обыкновенія, всталъ рано и пошелъ въ конюшню, чтобы повидать свою любимую лошадь. Я нашелъ ее всю покрытую пѣной, какъ если бы она только что возвратилась съ долгой поѣздки. Я спросилъ конюха, что это значить, и кто это такъ рано уже ѣздилъ на ней. Онъ не могъ мнѣ ничего отвѣтить, а когда я пригрозилъ ему и заставилъ говорить, то онъ, заикаясь, заявилъ мнѣ, что онъ не смѣетъ ничего говорить: ему это запрещено подъ угрозою смерти. Я еще разъ строго приказалъ ему сказать всю правду, и тогда онъ сознался:

„Твоя жена, повелитель, является сюда каждую ночь въ то время, какъ ты спишь, садится на лошадь, уѣзжаетъ и

*) Этотъ мотивъ встрѣчается въ „Тысячѣ и одной ночи“, гдѣ (въ 11-омъ рассказѣ) такъ же точно перехитрили духа, который находился въ бутылкѣ.

**) Ср. „Тысячу и одну ночь“: Гули — вампироподобныя вѣдьмы, которыя питаются мясомъ покойниковъ.

возвращается лишь подь утро. Ты это самъ увидишь, если нынѣшнею ночью представишься спящимъ, а затѣмъ посмотришь, что происходитъ“. Я такъ и сдѣлалъ, представился спящимъ и дѣйствительно увидалъ, какъ моя жена тихо встала и вышла изъ комнаты. Я прокрался за нею, видѣлъ, какъ она вошла въ конюшню, сѣла на лошадь и ускакала. Я бросился во дворъ, сѣлъ на другую лошадь и погнался за нею. Ея лошадь была быстрѣе моей, и я скоро потерялъ ее изъ виду. Все-таки я старался не терять слѣда, который привелъ меня, наконецъ, въ большой лѣсъ; въ лѣсу былъ домъ, передъ которымъ вся въ пѣнѣ стояла лошадь моей жены. Въ домѣ былъ свѣтъ, я заглянулъ туда черезъ щелку и увидѣлъ, что мою жену бьетъ старый, уродливый чародѣй. Я вбѣжалъ въ домъ и убилъ чародѣя. Но моя жена вскрикнула, осыпала меня самыми дикими бранными словами, выбѣжала изъ дому и ускакала прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться. Пораженный и печальный, я поѣхалъ домой. Лошадь моей жены была уже въ конюшнѣ, вся въ мылѣ, какъ и наканунѣ. Моя же жена была дома, встрѣтила меня бранью, произнесла затѣмъ заклинаніе, и въ тотъ же мигъ я превратился въ собаку. Моя жена избивала меня до полусмерти и приказала своимъ министрамъ убить въ тотъ же день всѣхъ собакъ въ городѣ. Когда я услыхалъ это, я бросился бѣжать; мнѣ удалось выбраться изъ города, и, послѣ долгихъ блужданій, я добрался въ одномъ лѣсу къ дому охотника. Охотникъ и его жена сидѣли въ это время какъ разъ за столомъ; они меня радушно приняли и накормили. Но по моему поведенію они догадались, что тутъ дѣло не такъ просто; жена посмотрѣла на меня внимательно и сказала своему мужу: „Это ханъ, моя сестра Гуль заколдовала его, я знаю ея талисманъ. Но и я владѣю талисманомъ, и могу превратить хана опять въ человѣка“. При

этомъ она произнесла заклинаніе, и я снова сдѣлался хаюмъ. Я поблагодарилъ Бога, что онъ привелъ меня къ этой женщинѣ, которая звалась Саванаръ, получилъ отъ нея талисманъ, которымъ могъ превратить чародѣйку Гуль въ птицу, и возвратился въ городъ. Дома Гуль очень удивилась, увидѣвъ меня, но я быстро произнесъ заклинаніе, и она превратилась въ птицу, которую я заперъ въ клѣтку.

Было два брата; они заблудились въ горахъ. Наконецъ, они устали и нашли убѣжище въ пещерѣ. Тамъ они открыли большое помѣщеніе, снизу доверху наполненное книгами; тутъ же лежала записка, на которой стояло: „Кто прочтетъ всѣ эти книги, узнаетъ въ послѣдней заговоръ, который доставитъ ему всѣ блага земныя“. Братья начали читать, но одинъ изъ нихъ скоро отказался отъ этого и ушелъ, другой же выдержалъ до конца, все читалъ и читалъ цѣлый годъ, пока не дошелъ до послѣдней книги. Тутъ онъ узналъ заговоръ, при помощи котораго могъ становиться невидимымъ и исполнять всѣ свои желанія. Тогда онъ отправился въ городъ, чтобы поискать работы и пришелъ къ торговцу фруктами, который принялъ его къ себѣ въ услуженіе. Торговецъ держалъ хорошій товаръ, и потому у него не было недостатка въ покупателяхъ. Въ одинъ прекрасный день товаръ его не прибылъ, и онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, такъ какъ долженъ былъ отказывать покупателямъ. Тогда слуга его сказалъ: „Ничего не можетъ быть проще, я знаю заговоръ и могу тебѣ достать самыя лучшія яблоки“; при этомъ онъ произнесъ заклинаніе, и передъ ними появились цѣлыя корзины, наполненныя прекрасными яблоками. Купецъ былъ, само собою, очень счастливъ; теперь каждое утро у него былъ самый лучшій товаръ, и

покупатели все прибывали. Однажды къ нему пришла дочь хана, чтобы купить яблокъ. Это была красавица, и купецъ въ нее влюбился, но какимъ образомъ могъ онъ приблизиться къ ней? Тогда слуга сказалъ: „Я знаю заговоръ, который дѣлаетъ человѣка невидимымъ, я тебѣ скажу его. Съ нимъ ты можешь расхаживать по всему ханскому дворцу, и тебя никто не будетъ видѣть, но не забудь слова, а не то ты погибнешь“. Купецъ отправился во дворецъ и дивился, какъ это его никто не замѣчаетъ; такъ онъ дошелъ, наконецъ, до комнаты хана. На порогѣ лежала большая собака, купецъ испугался и убѣжалъ. На слѣдующій день, однако, онъ снова набрался храбрости, отправился во второй разъ во дворецъ и незамѣтно дошелъ до комнаты принцессы. Такъ продолжалось нѣкоторое время, и купецъ переживалъ счастливые часы съ дочерью хана. Но въ одинъ прекрасный день, когда онъ былъ съ нею, онъ вдругъ забылъ волшебное слово, и его схватили. Когда его привели предъ лицо хана, онъ разсказалъ о заговорѣ, которымъ владѣлъ его слуга. Ханъ приказалъ доставить къ нему этого человѣка, но слуги не могли найти домъ купца. Три раза возвращались люди на указанное имъ мѣсто, но дома какъ будто и не бывало. Тогда ханъ приказалъ убить купца. Палачъ уже готовился отрубить ему голову, какъ появился слуга, котораго разыскивали, и сказалъ хану: „Отпусти этого человѣка, это я далъ ему заговоръ“ и при этомъ онъ разсказалъ хану всю свою исторію. Ханъ все еще не вѣрилъ и потребовалъ доказательства. Слуга исполнилъ его желаніе и сдѣлался невидимымъ, а черезъ минуту принялъ опять свой образъ. Это заинтересовало хана, и онъ пожелалъ на себѣ испытать заговоръ. Тогда слуга велѣлъ ему заглянуть въ колодезь *), и вдругъ ханъ исчезъ на гла-

*) См. „Тысяча и одна ночь“, четырнадцатый разсказъ.

захъ у всего народа; онъ очутился въ чужомъ городѣ, гдѣ его никто не зналъ, и долженъ былъ стать носильщикомъ и зарабатывать тяжелымъ трудомъ свое пропитаніе; затѣмъ онъ женился, сдѣлался отцомъ восьмерыхъ дѣтей и продѣлалъ цѣлый рядъ приключеній. Наконецъ, освобожденный отъ колдовства, онъ снова появился на площади передъ своимъ народомъ, возмущенный, что чужой человекъ унижилъ его, превративъ изъ хана въ носильщика, и страшно удивился, когда узналъ, что на самомъ дѣлѣ онъ исчезъ только на одно мгновеніе. Тогда онъ простилъ купца и его слугу.

Жилъ нѣкогда богатый купецъ; онъ далъ своему сыну 1,000 рублей и послалъ его въ городъ за покупками. Сынъ прибылъ туда къ вечеру и засталъ на постояломъ дворѣ человека, который спросилъ его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ.

„Я хочу сдѣлать покупки“.

„Это ты можешь потомъ сдѣлать, а куда побудемъ вмѣстѣ“.

„А кто ты такой?“

„Я учитель танцевъ“.

„Учитель танцевъ? танцевать я бы тоже хотѣлъ умѣть“

„Ты можешь остаться у меня и научиться этому“.

„А что это будетъ стоить?“

„Тысячу рублей“.

„Хорошо, я у тебя останусь“.

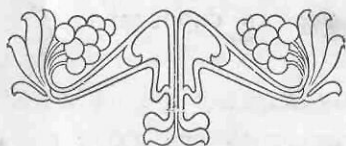
Черезъ годъ онъ закончилъ свое ученіе и возвратился домой. Отецъ спросилъ его, что онъ купилъ. „Цѣлую массу вещей“, отвѣтилъ сынъ, „караванъ придетъ завтра“. Но когда никакой караванъ не пришелъ, сынъ сказалъ отцу, что, по всей вѣроятности, караванъ былъ дорогою ограбленъ. Черезъ годъ отецъ снова послалъ его въ городъ, давъ опять

1,000 рублей. На этотъ разъ онъ встрѣтилъ учителя музыки, который научилъ его играть на струнномъ инструментѣ, и черезъ годъ онъ возвратился домой опять безъ денегъ. Это повторилось еще въ третій разъ, при чемъ сынъ научился играть въ шахматы. Послѣ этого онъ остался уже дома. Спустя нѣкоторое время, родители обѣднѣли. Тогда сынъ оставилъ домъ родителей, чтобы заработать для нихъ и для себя денегъ, и нанялся въ работники при караванѣ. Караванъ былъ на пути къ столицѣ хана. Однажды вечеромъ караванъ расположился у колодца, который оказался пустымъ. Рѣшили, что колодезь засорился и велѣли новому работнику спуститься внизъ, чтобы его прочистить. Тотъ полѣзъ внутрь и нашель на днѣ колодца кучу самыхъ прекрасныхъ драгоценныхъ каменьевъ, наполнилъ себѣ ими карманы и снова вылѣзъ наверхъ. Тамъ онъ показалъ каравану свою находку. Министръ, который велъ караванъ, смотрѣлъ съ жадностью и завистью на камни; потомъ онъ сталъ кричать, что работникъ ихъ укралъ, и отнялъ ихъ у него. Послѣ этого онъ написалъ хану письмо, въ которомъ онъ обвинялъ подателя въ кражѣ и совѣтовалъ казнить его тотчасъ же; съ этимъ письмомъ онъ отправилъ работника къ хану. По дорогѣ работникъ снова спустился въ колодезь и увидѣлъ, что колодезь переходитъ въ большія пещеры; онъ сталъ итти по нимъ, пока не пришелъ въ послѣднюю пещеру, гдѣ засталъ стараго, страннаго на видъ, волшебника, всего въ слезахъ. Тотъ разсказалъ, что потерялъ сына, котораго очень любилъ, и который помогалъ ему коротать время танцами и музыкой. Тогда работникъ сказалъ: „Это я тоже могу дѣлать“, и сталъ танцовать и играть, какъ его этому научили; волшебникъ забылъ свое горе и попросилъ его остаться жить у него. „Этого я не могу сдѣлать“, возразилъ работникъ „Я долженъ отправиться къ хану“. — „Ну тогда приходи послѣ

снова ко мнѣ, но не забудь, а не то тебѣ придется плохо“. Работникъ далъ обѣщаніе и отправился своею дорогою. Уже стемнѣло, когда онъ пришелъ въ городъ, но на улицахъ стояло еще много народа, и всѣ казались въ большомъ волненіи. „Что случилось?“, спросилъ работникъ. Тутъ ему рассказали, что дочь хана дала клятву выйти замужъ только за того, кто побѣдитъ ее въ шахматной игрѣ, тѣхъ же, которые этого не могли сдѣлать, приказывала убивать, и уже много погибло такимъ образомъ юныхъ и прекрасныхъ принцевъ. „Хочу попытать свое счастье“, сказалъ работникъ, вспомнивъ пройденную имъ науку, и отправился во дворецъ, побѣдилъ принцессу и женился на ней. Когда, спустя нѣсколько дней, въ городъ прибылъ караванъ, вѣроломный министръ получилъ заслуженное имъ наказаніе и былъ казненъ, а прежній работникъ и теперешній зять хана вспомнилъ про стараго волшебника, навѣстилъ его въ его колодезь и получилъ отъ него всѣ его сокровища.

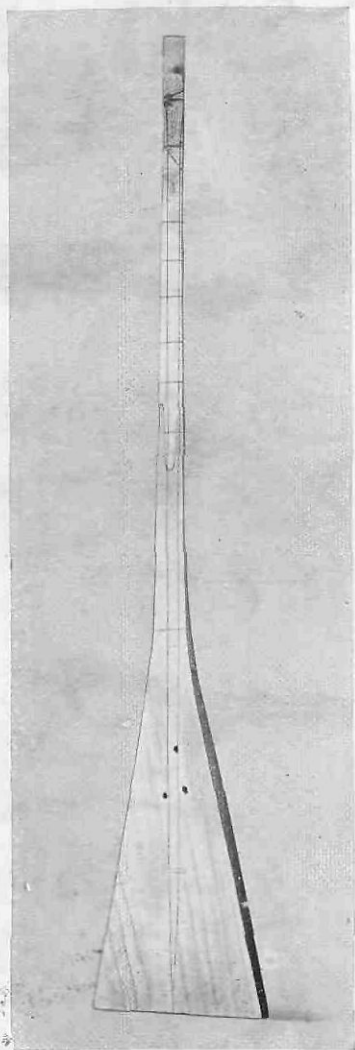
Одному хану приснилось, что съ неба падаютъ сабли. Испуганный, онъ утромъ спросилъ своихъ министровъ, что означаетъ этотъ сонъ, но никто этого не зналъ. Тогда ханъ разослалъ по всему царству людей съ вѣстью, что всякій, кто сумѣетъ растолковать его сонъ, получитъ богатую награду. Одинъ мальчикъ шелъ въ тотъ день мимо кладбища и встрѣтилъ змѣю. Она сказала ему: „Если ты обѣщаешь принести мнѣ деньги, которыя получишь отъ хана, то я растолкую тебѣ его сонъ“. Мальчикъ пообѣщаль, и змѣя сказала ему: „Этотъ сонъ означаетъ — будетъ война“. Мальчикъ отправился къ хану, растолковалъ ему сонъ и получилъ деньги, но рѣшилъ ихъ оставить у себя. Вскорѣ послѣ этого ханъ увидѣлъ во снѣ дождь изъ лисиць. Онъ опять сталъ искать человѣка, который могъ бы ему разъяснить

сонъ и обѣщаль на этотъ разъ вдвое больше денегъ. Но никто при дворѣ не могъ этого сдѣлать. Тутъ мальчикъ опять встрѣтилъ змѣю. Она ему сказала: „Ты меня въ первый разъ обманулъ, но я хочу снова помочь тебѣ; этотъ сонъ означаетъ — Люди будутъ хитры, какъ лисицы“. Мальчикъ отправился къ хану, растолковалъ ему сонъ и получилъ деньги, но и на этотъ разъ онъ оставилъ ихъ у себя. Въ третій разъ хану приснилось, что съ неба падаютъ овцы. Снова мальчикъ встрѣтилъ змѣю, и снова змѣя сказала: „Я помогу тебѣ еще разъ, хотя ты меня опять обманулъ; этотъ сонъ означаетъ: Люди будутъ добры, какъ овцы“. Мальчикъ пошелъ къ хану, растолковалъ ему сонъ и получилъ деньги. На этотъ разъ онъ отнесъ ихъ змѣѣ. Но та отвѣтила: „Мнѣ не нужно этихъ денегъ, ты былъ не хуже, чѣмъ всѣ другіе люди“.

Г 206

А

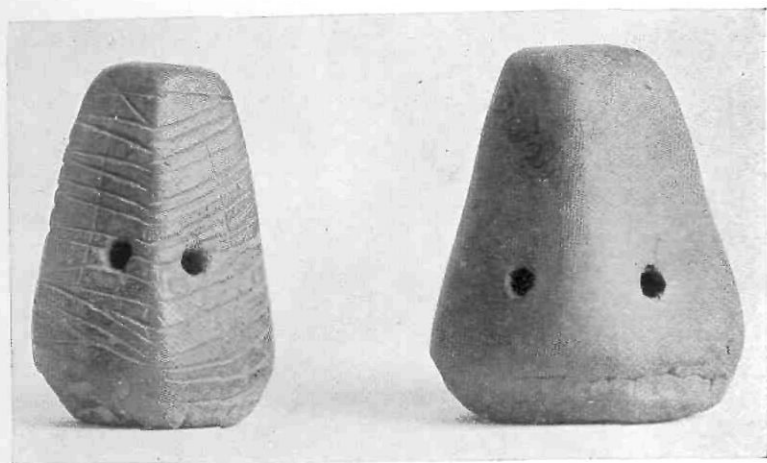

В

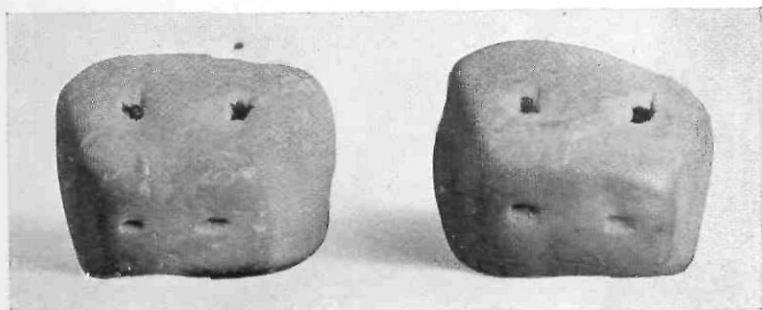
Киргизскій дутаръ или домбра

А: видъ спереди,

В: видъ въ разрѣзѣ.

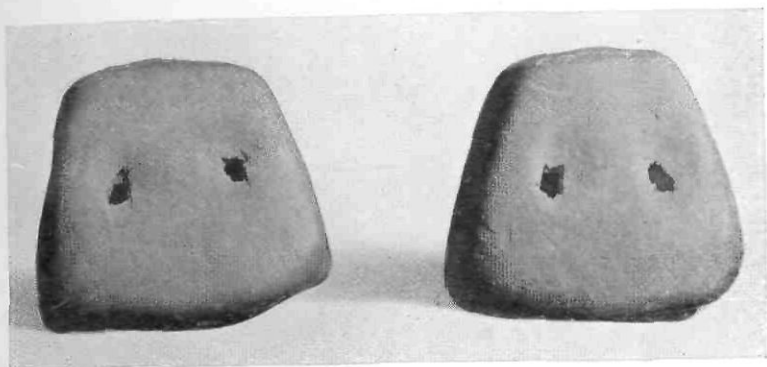

Д

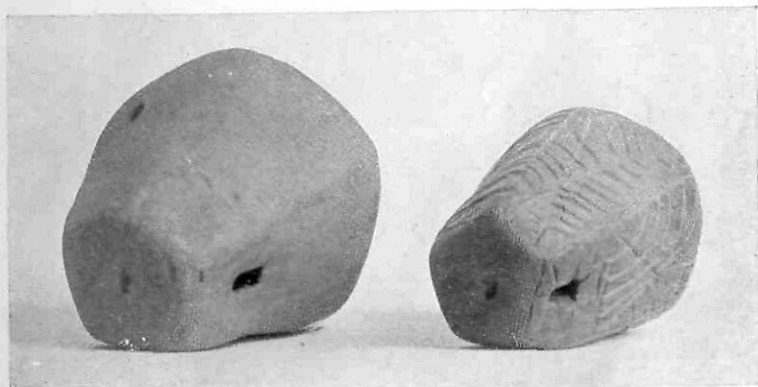

С

Киргизскія дѣтскія глиняныя свистульки.

Г

Е

Киргизскія дѣтскія глиняныя свистульки.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	V
Отъ переводчика	VI
Глава I. На Мангышлакъ	1
„ II. Туркмены и киргизы	20
„ III. Ауль и кибитка	62
„ IV. Рожденіе и дѣтство	78
„ V. Свадьба и бракъ	95
„ VI. Болѣзни и смерть	114
„ VII. Изъ области вѣрованій и суевѣрій.	123
„ VIII. Киргизская линія	140
„ IX. Тысяча и одна ночь	173

